

ЕВГЕНИЙ ОСЕТРОВ

Ветка
Лауры

ЕВГЕНИЙ ОСЕТРОВ

ЕВГЕНИЙ ОСЕТРОВ

Ветка
Лауры

ВЛАДИМИРСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

Осетров Евгений Иванович родился в 1923 году. Учился в Московском литературном институте им. М. Горького и в Академии общественных наук при ЦК КПСС. Был участником Великой Отечественной войны. Свыше одиннадцати лет проработал в редакции Владимирской областной газеты «Призыв». В поездках по городам и селам Владимирщины Евгений Осетров увлекся изучением архитектурных и исторических памятников, архивов и книгохранилищ. Рассказы Е. Осетрова о культурной истории Владимирского края систематически публиковались в периодической печати. Из этих материалов и составила́сь книга «Ветка Лауры». Это рассказы, очерки, зарисовки из жизни и деятельности замечательных людей или событий, происшедших на Владимирщине или в Подмосковье.

Е. Осетров строит свои рассказы на фактическом материале, много затрачивает труда на поиски документов, следов, вещественных доказательств примечательного события. Как исследователь культуры, он старательно копит живой, увлекательный материал, показывает романтику познания, открытия старых тайн.

Пишет он увлекательно, стараясь прежде всего быть точным и ясным.

Кроме предлагаемого вниманию читателей сборника «Ветка Лауры», Е. Осетров является автором повестей «Подземные сокровища», «Первые встречи» и книги сказок «Веселые сновидения».

В настоящее время Е. Осетров работает в Москве, в периодической печати.

ТАИНСТВЕННЫЙ УЗНИК

О ВЛАДИМИРСКИМ
холмам цвела вишня.

Она покрывала склоны Патриаршего сада, сплошной белой накидкой окаймляла аптекарский огород, вплотную подходила к Золотым Воротам. В небе плыли легкие, пронизанные предлетними ласковыми лучами, облака, отражаясь в клязьминских омутах и исчезая за дремучими муромскими лесами.

В такой первоиюньский денек во Владимирский централ прибыла крытая карета. Против заведенного обычновения, жандарм, сопровождавший карету, не открыл узкую дверцу и не предложил узнику поразмять ноги на тюремном дворе.

С неприличной поспешностью, без сопровождающих лиц появился в ограде губернатор — сухопарый старик, чем-то похожий на Христофора Колумба в последние годы жизни. Сухо пощелкивая каблуками по каменному настилу, губернатор-Колумб дважды обошел карету;

потом отойдя в сторону, вскрыл, собирая сургуч в узкую ладонь, пакет. Наблюдавшие издали надзиратели рассказывали позднее под хмельком, что, пробежав глазами лист, губернатор вздохнул и перекрестился. Потом он велел позвать духовника и вместе с ним поднялся в карету. Оттуда через минуту донесся громкий странный крик, напоминающий уханье филина в ночном лесу. От непривычного звука мороз пробежал по коже. Но даже видавшие виды тюремщики замерли от изумления, когда уханье сменил совершенно явственный громкий смех.

Между тем в карету впрягались новые лошади. Губернатор, тяжело опираясь на духовника, сошел на землю, вытер пот батистовым платком, махнул рукой и сказал:

— С богом!

Карета выехала из ворот, и с вышек централа долго было видно, как возок, вынырнув из тесных закоулков, мчался по направлению к городской окраине.

Ямщик оказался разбитным владимирским парнем. Отпущенный барином в отход, парень работал в губернском городе. В этот путь он был наряжен по экстраординарному случаю — не оказалось под рукой тюремного возницы. Парень не был похож на суровых сибирских ямщиков, что глядят на жандарма чертом и про которых в точности никогда не узнаешь, государевые это ямщики или беглые нарядившиеся тати. За Боголюбовым монастырем свернули на Суздальскую дорогу. Не доезжая Борисовского, поили лошадей из ключа. Переменная погода пахнула дальним морозцем, и владимирский ямщик сокрушенно сказал:

— Неча бога гневить, может, мороз вишенья не побьет.

Парень достал штоф, в котором аппетитно плавали рябиновые ягоды:

— Приложись, ваше благородье!

Поля под Суздалем тянутся без конца и края. Есть в них и раздолье, и протяжность, и своя печаль. В старинных деревнях церкви, времен чуть ли не татарского нашествия, то красуются узором на камне, то осуждающе глядят на путника языческой маской легендарного чудища.

Захмелевший ямщик спросил:

— Весь путь держу в мыслях: кого везем-то?

— А я, браток, думаю,— не спеша ответил жандарм, — что ты острожной долюшки захотел... Выпил проклятую, турусы на колесах начал разводить? А березовой лапши не пробовал?

Ямщик испуганно сжался, и даже протрезвел, а ругатель подумал: «Востер парень-то».

Ветер меж тем усиливался. Рваные облака загромоздили небо, замолкли испуганные жаворонки, из вишневых садов на дорогу обильно полетели лепестки. Потом все внезапно стихло и перестукивание колес с булыжником мостовой скралось шорохом падающих капель.

— Ну, малый, табак наше дело, — проворчал жандарм. — У тебя покурить-то осталось?

Как на грех, в это время узник в карете застонал и стал слабым голосом звать к себе на помощь. Сопроводитель зло выругался и крикнул:

— Гони!

На повороте, когда с холмов уже забелел Суздаль, повозка со всего маха врезалась в лужу и встала, как пришитая к земле. Ямщик слез, попробовал подать карету сзади плечом, но она не шелохнулась. Согрешив в сердцах недобрым словом, парень огрел лошадей крестнакрест. Они вздыбились, повозка затрещала, карета оказалась на песчаном взгорье. Но от резкого рывка распахнулась дверь кареты, и ямщик со страхом и любопытством увидел сидящего в ней человека. Это был худой, продолговатый лицом человек с повязкой на лбу и

с удивительно пронзительным взглядом. Мгновенно перед мысленным взором ямщика встал владимирский Успенский собор, иконостас, освещенный золотом тысяч свечей и лик ангела Скорбящего.

...В Суздаль въехали через каменные екатерининские ворота. Небо вызвездило. По городу процокали, когда все уже спали и ни один огонек не освещал вымершие мостовые.

— Куда править?

— К Спас-Ефимию.

Теперь, друг, читатель, я прерву свой рассказ, пусть бегло, но опишу тебе место, куда прибыли глухой ночью наши путники. Если ты юн, то сочетание слов «Спас-Ефимьевский монастырь» ничего не говорит твоему сердцу. А в старое время, услышав эти слова, русский человек вздрагивал, как от удара хлыстом.

Многометровой высоты стены — кладка старых суздальских мастеров, строивших на столетия, — видны далеко за городом. В цепочку стен вкраплены огромные башни с бойницами, смотровые щели, крытые переходы... Военное сооружение возводилось, как дальняя крепость на рубежах Московского государства, как сторожевой пункт от татарских набегов. Суздальские летописи повествуют о бесчисленных схватках с кочевниками, о вековой борьбе местных служивых людей за волюшку вольную.

В давние года вписал монастырь ратные страницы в кровавую повесть смутного времени. Поныне, как национальная святыня, оберегается за крепостной стеной могила Дмитрия Пожарского, суздальского князя, что вместе с нижегородцем Козьмой Мининым водил ополчение спасти Москву.

А когда стихли бранные годы, хорошо укрепленный монастырь, расположенный в стороне от крупных трактов, сгодился как изрядно-доброе место для изгнаний

тех, кто негоден был в столицах, кого хотелось упрятать понадежнее.

Опальная царица Евдокия Лопухина, живя в монастыре, плела заговор против своего бывшего мужа Петра I. Богомольные странники уносили тайные письма нужным людям, сирые старушки в царицынских кельях оборачивались статными молодцами. Гнев Петра, раскрывшего заговор, был ужасен. Царицын любимец, метивший в государя, угодил на кол. Речка Каменка, что несет свои воды возле самых крепостных стен, потемнела от крови.

Мы приближаемся к самым печальным страницам истории Суздальской крепости.

В девятнадцатом веке монастырское благолепие и святость привлекали к себе странников и калік переходящих. Медом пахли липы, осыпавшие своей листвой старые храмы и могилы забытых воинов. Мелодично перекликались колокола, и стаи белоснежных голубей вились над куполами.

Но от чего так больно сжимается сердце?

В центре крепости-монастыря — вторая крепость, с двойными стенами. За высокой отвесной оградой — продолговатый одноэтажный каземат. Прямой, как стрела, коридор. По бокам — камеры-одиночки. Все камеры похожи, как сестры-близнецы. В каждой — скамья, стол, узкое окно, в котором виднеется клочок неба. Вид окна упирается в кирпичную стену. Осужденный из одиночки видел одну и ту же картину: выбеленный кирпич и вырез неба.

Заклученные в камеры, должно быть, вспоминали известное дантово изречение «Оставь надежду навсегда сюда входящий».

Но человека никогда не оставляет надежда. По всей России повторялась весть о священнике Золотницком, осужденном за какие-то «ереси». Золотницкий просидел

в Спас-Ефимьевском монастыре тридцать девять лет и был выпущен на свободу, когда разум его совершенно угас.

...А теперь возвратимся вновь к бедному узнику, привезенному в памятную ночь во «всероссийский тайник», как называли тогда рavelин в Спас-Ефимьевском монастыре.

Заключенного сдали в полубезжизненном состоянии. Ямщик поскорее отправился восвояси из жуткого места и дал лошадям отдых лишь после того, как крепость скрылась из вида. Жандарм остался попариться в монастырской баньке.

Две недели спустя во Владимире появилась миловидная молодая женщина. Губернатор принял ее в своем уютном, обитом красным бархатом, кабинете. Мерно расхаживая по коврам, пергаментно-белый старик вкрадчиво говорил:

— Я льщу себя надеждой, что вы, сударыня, перестанете называть этого злодея своим супругом...

Увидев негодующий жест, губернатор продолжал:

— Он погубил вашу молодость. Даже его друзья по злоумышленному обществу называли его тигром.

Женщина резко поднялась:

— Мой муж — благородный человек. Я прошу, ваше превосходительство, подтвердить разрешение о свидании моем с мужем в Спас-Ефимьевском монастыре.

— Но поймите, что он болен, он не в своем уме. Я только что видел его во Владимире. Он сущий безумец.

— Я знаю, что он нуждается в моей помощи.

...Жарким летним днем ехала бричка по суздальской дороге. Узнав, что путница едет на богомолье, возница — рябой парень с широким лицом и добродушной улыбкой принялся рассказывать:

— Я, милая барышня, другой раз ныне в Суздаль

еду. Недавно из Сибири этапного везли. Господи, страху же я натерпелся! По губернаторову наказу на моих лошадях из Владимира в Спас-Ефимий отправляли...

Молодая женщина сидела прямо, но если бы возница оглянулся, то увидел бы, как смертельно побледнела его путница. Она ухватилась рукой за сиденье. Подавленное сильное чувство сказалось только в чужом деревянном голосе:

— А какой он был из себя?

Трясло в повозке немилосердно.

— Воля ваша, только грешного, что и поминать? Намедни встретил того самого господина офицера. Попросил у него на чай, так он сказал: помяни душу преступного барина. Мы его, мол, в дороге укачали.

Посетители суздальского монастыря однажды летним вечером видели, как молодая женщина подошла к арестантской могиле со свежеструганным крестом. Женщина постояла-постояла и рухнула на землю, как подсохшая ветвь седой ветлы.

Прошли годы... Шила в мешке утаить невозможно, и ныне из арестантских книг и других документов мы знаем, что за человек скончался в одиночной камере тайной царской тюрьмы.

Декабрист Федор Шаховской... Когда произносишь это имя, то невольно вспоминаешь слова Герцена о том, что декабристы — это какие-то чудо-богатыри, кованные из чистой стали от головы до ног. Таков и Федор Шаховской, окончивший свою трудную жизнь на суздальской земле.

Федор Шаховской был молодым энтузиастом тайного декабристского общества «Союз благоденствия». Стронник быстрых и решительных действий, Шаховской исполнял в обществе должность секретаря по выработке устава общества. Пушкин писал в сожженной главе «Онегина»:

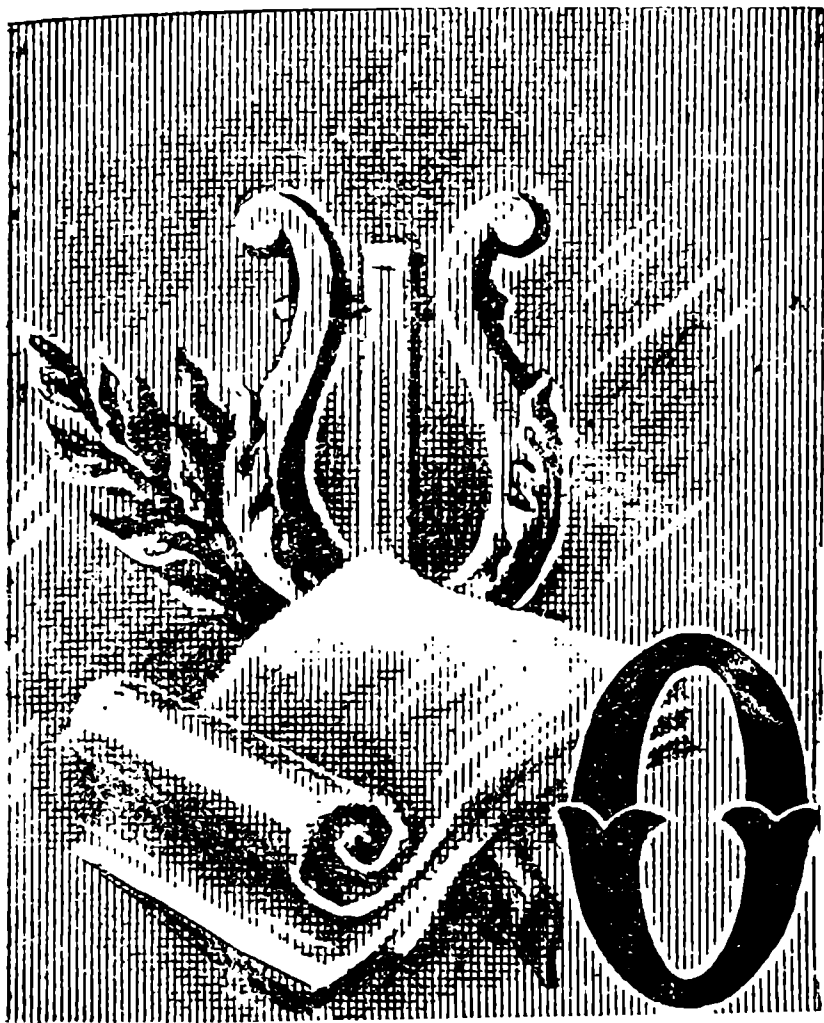
Меланхолический Якушкин
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал...

Эти слова с полным основанием могут быть отнесены и к Федору Шаховскому, вызвавшемуся в дни караула в Зимнем дворце убить Александра I. Кто-то из друзей в шутку назвал его «тигром». Эта шутка стоила Шаховскому жизни. На судебном следствии, по словам самого подсудимого, ему было приписано, кроме участия в заговоре, «жестокые поступки, свирепый нрав и имя тигра, которое предано было публичной гласности».

Этим во многом и объясняется особенно бесчеловечно-жестокое обращение с Шаховским, не прекращавшееся вплоть до смерти декабриста.

...Одна другую сменяет весна. В который раз расцветает и осыпается вишня в садах Владимира и Суздаля. Белая вишневая метель заметает одинокую могилу в Спас-Ефимьевском монастыре, как некогда засыпала она тюремную повозку узника.

ОСОБНЯК В СОБИНКЕ

ДНАЖДЫ знакомый художник сказал:

— В Собинке, в частном доме, хранятся часы писателя Александра Сергеевича Грибоедова и другие интересные вещи.

Больше художник ничего не знал.

— Да как же найти этот частный дом?

Художник ответил:

— Нужно ехать на фабрику «Коммунистический авангард», найти в фабричном клубе комнату, в которой занимается студия самодеятельных живописцев, и спросить Горбунова...

— А дальше?

— Горбунов — знающий человек, способный художник. Он расскажет и про грибоедовские часы, и про их хозяев.

От Владимира до Собинки дорога не близкая, но веселая. До Ундола путь лежит по асфальтированному

шоссе. Навстречу движется поток машин от Москвы к Волге. Пролетают комфортабельные «Волги», быстрые «Москвичи», маршрутные пятитонки, груженные самыми различными товарами. В Ундоле — поворот на Собинку. Здесь дорога идет мощеной гатью, обсаженная столетними дубами. Гать возвышается над пойменными, клязьминскими лугами, изобилующими озерками, кустарниками, ольховыми да ивовыми чащобами. Машины на гати встречаются редко. Лишь порой промчится грузовик, наполненный спрессованными кипами белоснежного хлопка.

Вот и Клязьма. За рекой возвышаются громадные корпуса текстильной фабрики «Коммунистический авангард».

В фабричном клубе днем пустынно. И только в нижнем фойе царит оживление: стучат молотки, раздаются возгласы:

— Выше!

— Чуть опусти!

— Теперь хорошо!

Это студийцы готовятся к открытию очередной художественной выставки. На стенах — портреты знатных новаторов производства, пейзажи окрестных мест, большая картина «Суворов в Ундоле». Работ много. Видно, что рабочие-художники постарались на славу.

Спрашиваем Горбунова. Только что ушел домой. Впрочем, найти несложно. Молодой пейзажист, помощник слесаря, Вася, охотно покажет квартиру художника. И мы идем по песчаным собинским улицам.

Горбунов оказался радушным, приветливым человеком. Живет он в новом светлом доме; в квартире много книг, на стенах комнат висят цветные репродукции с картин великих художников.

Разговорились. Конечно, он превосходно знает, о ком идет речь: о Марии Борисовне. Клубные драмкружков-

цы частенько обращаются к ней за костюмами для постановок пьес из старой жизни.

— У меня много хлопот перед выставкой, — тактично извиняется Горбунов. — Я познакомлю вас с Марией Борисовной, и она вам все расскажет.

Если бы можно было на машине времени перенестись в прошлый век, то, вероятно, перед вашими глазами предстало бы то, что в наши дни можно увидеть в особняке на окраине Собинки.

Квартира напоминает музей. Нафталином пахнут старые костюмы. Портреты дам в париках, в бальных платьях. Фотографии мужчин с нафабранными усами, с моноклями. На столе, в бархатном переплете-альбоме, лежат визитные карточки и меню званых обедов.

Мария Борисовна, урожденная Алябьева, совсем недавно преподавала французский язык в средней школе. Сейчас она вышла на пенсию.

Увидев Горбунова, Мария Борисовна спросила:

— Опять костюмы нужны?

Узнав в чем дело, Мария Борисовна приветливо, и не без удовольствия стала показывать «свои владения».

В крайней комнате особняка стояли высокие английские часы. Сделанные во второй половине XVIII века в Лондоне, часы аккуратно показывают время уже свыше двух столетий. Размерно движется маятник, куранты исполняют четыре мелодии — менуэты и полонезы.

Мария Борисовна перевела часы, куранты заиграли и как-то сразу вспомнились знакомые со школьной скамьи слова: «То флейта слышится, то будто фортепьяно...», живо представилось первое действие «Горе от ума», когда в фамусовской гостиной Лиза переводит часы, они бьют и играют, а Фамусов выговаривает служанке: «Сама часы заводишь, на весь квартал симфонию гремишь...»

— По семейному преданию, — говорит Мария Борисовна, — эти часы стояли в московском доме Грибоедовых. Александр Сергеевич любил слушать их затейливый бой и впоследствии сцену с курантами ввел в свою знаменитую комедию. Позже эти часы попали к Алябьевым, а затем к Хвощинским, которые были близкими родственниками Алябьевых. У Алябьевых эти часы бережно хранились, как драгоценная семейная реликвия. Только однажды часы увозили в Москву. Случилось это во время одной из первых постановок «Горе от ума» в Малом театре. Московская публика слушала тогда мелодию старинных курантов, которые некогда пленяли и самого Грибоедова.

Мария Борисовна — отдаленная родственница популярного композитора Александра Александровича Алябьева, автора всемирно известных романсов, создателя многих камерно-инструментальных произведений и опер. Судьба Алябьева — трагическая судьба. Талантливый музыкант был безвинно осужден и долгие годы провел в ссылке.

Слушаешь рассказ хозяйки дома и невольно вспоминаешь одну из светлых страниц жизни Александра Александровича Алябьева, связанную с именем Грибоедова. Грибоедов и Алябьев близко сошлись в 1823—1824 годах в Москве. Они были на «ты», постоянно виделись, любили говорить о музыке. К этому же времени относится и творческое содружество композитора и драматурга. Алябьев написал романс на слова Грибоедова: «Ах! точно ль никогда...» Романс был опубликован значительно позднее, когда Грибоедова не было уже в живых, а Алябьев находился под судебным следствием. Несколько раньше Грибоедов, зная о том, что над Алябьевым собралась гроза, писал своему другу Бегичеву: «Не слыхал ли кто-нибудь о Шатилове и Алябьеве. Чем кончилось их дело?»

Алябьев — предшественник Глинки в русском романсе. Особенную известность получил его романс «Соловей», еще в пушкинскую пору исполнявшийся известной певицей, красавицей-цыганкой, Татьяной Демьяновой, а позднее — знаменитыми Полиной Виардо и Аделиной Патти. Широко известен был этот романс и в блестящем переложении композитора Листа. В наши дни романс этот звучит почти на каждом вокальном концерте.

Но Алябьев не только создатель романсов. Он автор музыки к операм-водевилям, пролога «Творчество муз», написанного на открытие Большого театра в Москве к опере-балету «Русалка и рыбак».

... Мария Борисовна прошла в зал и достала большую кипу бумаг. Чего здесь только не было! Книжки, журналы, старинные грамоты, ноты, альбомы, рукописи. Для ученого, для любителя — это все сущий клад.

Из всей стопы Мария Борисовна взяла издание «Московских ведомостей». Указала на дату — 1834 год. Выцветшими чернилами подчеркнута одна заметка. В ней сообщается о том, что в музыкальный магазин на Кузнецком мосту поступили в продажу два романса Алябьева. Один из них на слова Пушкина: «Что в имени тебе моем».

Алябьев был лично знаком с Пушкиным и одним из первых русских музыкантов глубоко почувствовал песенный характер пушкинской лирики. На слова Пушкина Алябьев писал романсы чаще, чем на слова других современных поэтов. Романсы на пушкинские тексты — «Два ворона», «Зимняя дорога», «Саша, Саша я страдаю», «Увы, зачем она блистает...» пользовались громадным успехом. Они, отличаясь мелодической гибкостью и гармонической свежестью, принадлежат к лучшим образцам вокального творчества того времени.

Интерес к творчеству Пушкина Алябьев пронес через всю жизнь, в том числе через долгие годы изгнания. Композитор создал музыкально-драматическую сцену «Кавказский пленник» по Пушкину, глубоко проникнутую романтическими настроениями и колоритом восточных мелодий.

Газета пушкинской поры — «Московские ведомости» — мало похожа на газету нашего времени. Она издавалась форматом нынешних журналов: статьи и заметки верстались в порядке времени их поступления, а не по характеру материалов.

Содержание газеты — самое пестрое. Тут и объявления о продаже модных экипажей каретником Иохимом, и литературная полемика, и сообщения об обедах у знатных вельмож, и международные события, и сплетни.

Обращает на себя внимание заметка о выступлении заезжего «штукмейстера» Молдуано, высмеивающая этого гастролера:

«Публика аплодировала Молдуано во время его птичьего пения. Положив в рот свисток, он подражал пению соловья, жаворонка, зяблика и канарейки, но этот опыт нам гораздо приятнее было видеть и слышать от русского: в один из прекрасных вечеров прошлогоднего гуляния под Новинским мужичок с помощью свистков варьировал и трелями, и раскатами, и гармониею подражания пернатым; но совсем иное дело русский мужичок под Новинским в несколько гривенников, и прославленный иностранец-фокусник, и штукмейстер на сцене театра за несколько десятков рублей: разница в расстоянии очевидна...»

Фамилия этого заезжего штукмейстера упоминается в одном из черновиков шуточного стихотворения Пушкина: «Надо помянуть, непременно помянуть надо...» Фамилия Молдуано была прочитана текстологами-пуш-

кинистами, в виду крайней неразборчивости черновика неправильно — «Могдуано»*. С помощью заметки в «Московских ведомостях» эта неточность исправляется.

В одной из комнат алябьевского особняка на стенах развешаны акварельные портреты, фотографии, рисунки. Среди них выделяется портрет очень красивой женщины в рост. Тонкие черты лица, гордая, спокойная осанка, строгое изящное платье... Это была фотография с портрета Александры Васильевны Алябьевой, известной красавицы, воспетой Пушкиным. Дочь богатого владимирского помещика, она славилась в Москве своей красотой, так же как Наталья Николаевна Гончарова. В одном из своих посланий, обращаясь к ценителю красоты, Пушкин писал:

«...Влияние красоты

Ты живо чувствуешь. С восторгом ценишь ты
И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой».

В салоне Алябьевой, по мужу Киреевой, в Москве собирался цвет культурного общества древней столицы. В нем бывали Аксаков, Хомяков, видимо, бывал и Пушкин. За несколько месяцев до смерти Пушкина Алябьева приехала вместе с мужем в Петербург. Вот что пишет про это событие Александр Тургенев:

«Когда она первый раз показалась в Собрании, скажут, поднялась такая возня, что не приведи боже; бегали за нею, толпились, кружили ее, смотрели в глаза, лазили на стулья, на окна. Пошли сравнения с Завадской, с Пушкиной, только и разговора, что о ней... Я был у нее. Она в самом деле хороша».

Найденная фотография с портрета Александры Алябьевой представляет несомненный интерес. В вен-

* См. Собрание сочинений Пушкина. Издательство Академии наук СССР, 1948 г., т. 3, стр. 486.

геровском издании собрания сочинений Пушкина воспроизведен портрет Алябьевой, уступающий по своей выразительности находящемуся в Собинке.

Много любопытного оказалось среди книг и журналов. Перед нами — первое издание рылеевских «Дум», с виньеткой, которую теперь так часто воспроизводят в хрестоматии. Рылеев издал свои «Думы» незадолго до восстания декабристов. После казни самое имя поэта находилось под запретом и «Думы» стали библиографической редкостью. Книга открывается знаменательными словами: «Напомянуть юношеству о подвигах предков, знакомить его со светлейшими эпохами народной истории, сдружить любовь к отечеству с первыми впечатлениями памяти — вот первый способ для привития народу сильной привязанности к Родине».

Своими «Думами» Рылеев рисовал яркие образы патриотов земли родной, прививал горячую любовь к отчизне. Некоторые стихотворения, опубликованные в «Думах», стали поистине народными. В самом деле, многие ли произведения могут соперничать по популярности среди народа с такими, как «Песня о Ермаке», как стихотворение о Иване Сусанине — «Куда ты ведешь нас?».

Экземпляр рылеевских «Дум», найденный в семейном алябьевском архиве, превосходно сохранился. Книга изящно переплетена и только по чуть пожелтевшим листам видно, что не одно поколение увлекалось вольнолюбивыми стихами поэта-революционера.

...Альбомы уездных барышень, исписанные стихами. На каждой из страниц — или жестокий романс, или клятва в любви до гробовой доски, или рисунок — сердце, пронзенное стрелой... Но в некоторых тетрадях среди сентиментальной чепухи встречаются и интересные произведения. Так, в собинском альбоме малодаровитой поэтессы Хвощинской переписана злейшая эпиграмма-пародия на стихотворение Петра Вяземского «Русский

ДУМЫ.

Сочиненіе

БѢЛЫХЪ

Ир. Ал. Билыко

Москва

Въ Типографіи Селивановскаго

1825.

бог». Князь Вяземский, сочувствовавший в двадцатых годах декабристам, будучи другом Пушкина, в тридцатых годах значительно поправел и сделал блестящую служебную карьеру. Одно время Вяземский был даже товарищем министра народного просвещения и, в качестве такового, ведал цензурой.

Отметим, что стихотворение Вяземского «Русский бог» напечатано в России быть не могло. Впервые оно было издано отдельным листом за границей Герценом, а затем Огаревым в сборнике «Русская потаенная литература». Отметим и другой интересный факт: стихотворение это в немецком переводе сохранилось в бумагах Карла Маркса.

Вот что писалось в стихотворении Вяземского:

Нужно ль вам истолкованье,
Что такое русский бог?
Вот его вам начертанье,
Сколько я заметить мог.
Бог метелей, бог ухабов,
Бог мучительных дорог,
Станций — тараканьих штабов,
Вот он, вот он русский бог.
Бог голодных, бог холодных,
Нищих вдоль и поперек,
Бог имений недоходных,
Вот он, вот он русский бог:

.
Бог наливок, бог рассолов,
Душ, представленных в залог,
Бригадирш обоих полов.
Вот он, вот он русский бог.
Бог всех анненских на шеях
Бог дворовых без сапог,
Бар в санях при двух лакеях
Вот он, вот он русский бог.
К глупым полон благодати
К умным беспощадно строг,
Бог, всего, что есть некстати,
Вот он, вот он русский бог.

Бог всего, что из границы,
Не к лицу, не под итог,
Бог по ужине горчицы.
Вот он, вот он русский бог.
Бог бродяжных иноземцев,
К нам зашедших за порог,
Бог в особенности немцев,
Вот он, вот он русский бог.

В пародии на стихотворение Вяземского читаем:

Бог карьеры слишком быстрой,
Бога русский демагог,
Стал товарищем министра
Вот он, вот он русский бог.

Среди архивных материалов обнаружены также старинные жалованные грамоты с автографами Петра Великого, Екатерины II, Елизаветы Петровны, частная переписка XVIII века. Большой интерес представляют прокламации времен Крымской войны, переписанные из герценовского «Колокола», подцензурный список исторической драмы Лажечникова «Опричник» и другие материалы.

Когда в Москве, в Государственном литературном музее узнали о собинских находках, во Владимир был командирован научный работник музея Ольга Ивановна Попова, много лет занимающаяся изучением жизни и деятельности А. С. Грибоедова, в надежде найти в Собинке документы, связанные с именем творца «Горе от ума». Но материалов о Грибоедове в Собинке, за исключением часов, принадлежавших по семейным преданиям Грибоедовым, не оказалось.

Всё же поездка в Собинку не была напрасной. После нескольких дней напряженной работы по просмотру архивных, книжных и изобразительных материалов, сотруднику посчастливилось обнаружить ряд материалов, интересных для музея. Среди последних было и фото

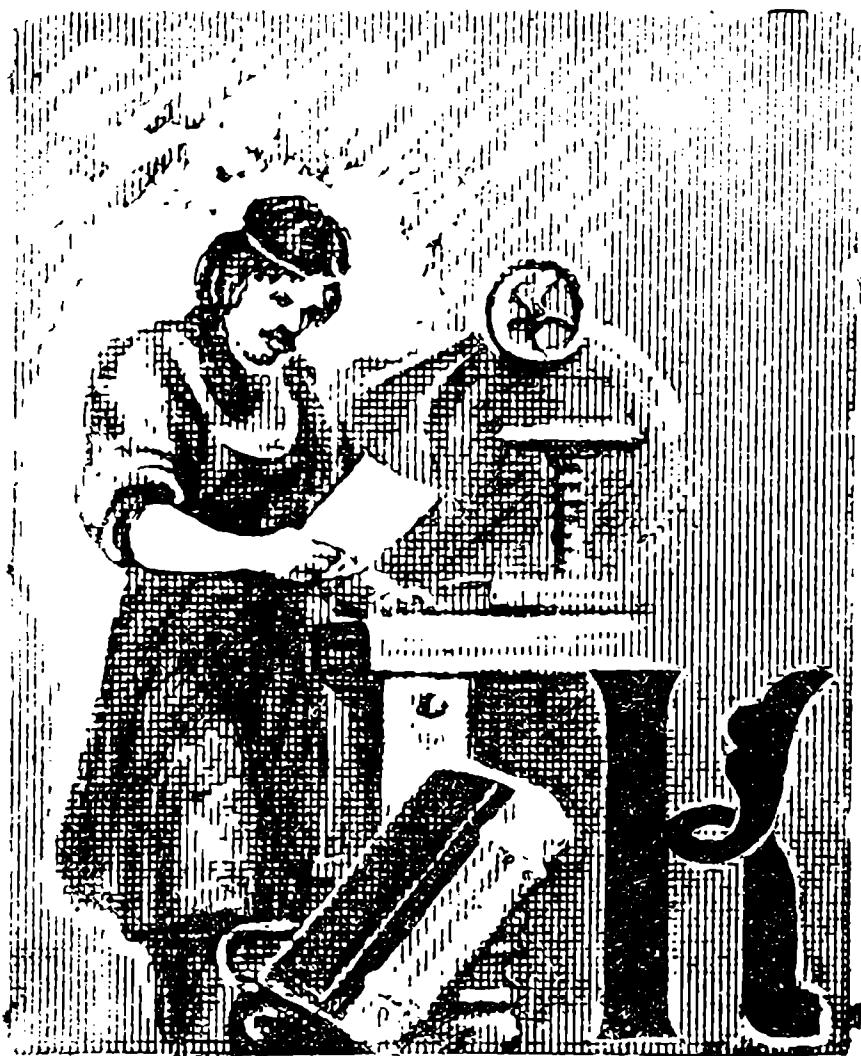
с портрета Алябьевой, и интересные рисунки, говорящие о быте дворянства и крестьян эпохи 60—70-х годов прошлого столетия.

По составлении описи отобранный материал был передан в собственность музея. Ряд интересных материалов из Собинки приобретены также Московским Государственным историческим музеем и московскими букинистическими лавками.

Таким образом, ценное наследие нашего прошлого стало государственным достоянием. Над изучением материалов смогут работать ученые, знакомиться с находками будут посетители музеев.

Сознание этого дало чувство большой радости всем лицам, так или иначе принимавшим участие в ознакомлении с собинскими материалами и в передаче их в государственные учреждения. Но особенно радовалась тому Мария Борисовна, бережно хранившая не только материалы, но и те семейные предания о них, которые она слышала от родных старшего поколения.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ КНИГИ

НИГИ, как и люди, имеют свою судьбу.

Биографии многих произведений удивительны, полны самых неожиданных приключений, бывают с ними и происшествия, то забавные, то весьма грустные.

Недавно у московских букинистов промелькнула старинная книга, носящая пышное и пространное заглавие: «Грамматика философических наук, или краткое разобранье новейшей философии, изданная на английском языке г. Вениамином Мартином, а с оного переведена на французский, а с французского же переложена на русский Павлом Бланком». На книге есть пометка, что она выпущена в свет в 1798 году во Владимире-на-Клязьме. Над этой датой нельзя не задуматься. В самом конце восемнадцатого века, в сравнительно небольшом провинциальном городе была издана книга философско-

го содержания. Кто выпустил это сочинение? Почему произведение, рассчитанное на подготовленного читателя, появилось на свет в провинции, а не в столице, где литературу было значительно легче продавать?

Заглянем в историю владимирского края, изобилующую многими поразительными неожиданностями. Нет ли в архивных материалах каких-либо подробностей о «Грамматике философических наук»?

...Известно, что в XVIII веке, одновременно с открытием Российской Академии, был издан указ о «вольных типографиях», по которому разрешалось всем желающим заводить типографию, не спрашивая на это никакого специального разрешения. После указа типографии стали расти, как грибы после дождя. Любители печатного слова выпускали книги не только в Петербурге и Москве, но даже в сельской местности. Так, например, известный вольнодумец XVIII века И. Г. Рахманинов в селе Казинке, Тамбовской губернии, начал выпускать полное собрание всех переведенных на русский язык сочинений Вольтера.

Патриотическим подвигом была книгоиздательская деятельность Николая Ивановича Новикова, выпускавшего сотни различных изданий: литературных, научных, детских журналов, оригинальных и переводных художественных произведений, словарей и т. д.

Царское правительство было напугано небывалым ростом книжного дела, расширением круга любознательных читателей. Особенно усилились репрессии после выхода в свет «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева. Книгу уничтожили. Радищев был сослан в Сибирь, Новикова бросили в крепость, а тамбовскую типографию Рахманинова опечатали. В 1796 году Екатерина упразднила все «вольные типографии».

Вот тогда-то известный московский типограф Матвей Пономарев, вынужденный прервать свою издатель-

ПУТЕШЕСТВІЕ,

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обла, озорно, огромно, спозвѣно,
и лаяй,,

Тилемахида, Томъ II, Ки: XVIII, стии 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

скую деятельность, обратился во Владимир, в губернское правление.

План Пономарева был прост: он предложил организовать во Владимире типографию для печатания казенных бумаг. Вознаграждения Пономарев требовал самого умеренного, но неизменным условием ставил — разрешить ему печатать в свободное время разные книги. Кроме того, Пономарев брался обучить типографскому мастерству владимирских жителей. В первый же год типографскими специальностями должны были овладеть не менее четырех человек. Во Владимире быстро и охотно согласились на предложение Пономарева. Но по заключенным условиям книги можно было отдавать в печать лишь после того, как были «апробированы» московской цензурой. Кроме того, каждую вышедшую из печати книгу типограф должен был в обязательном порядке рассылать для контроля: один экземпляр в библиотеку губернского правления, другой — в Академию наук.

К 30 октября 1797 года Пономарев закончил оборудование типографии. Литеры (шрифты), типографский станок и прочие необходимые принадлежности были доставлены за счет губернского правления из Москвы во Владимир.

2 ноября 1797 года типография начала работу, приступив к изданию книги «Грамматика философических наук...» Эту дату, пожалуй, и следует считать днем основания первой владимирской типографии, началом книгопечатания во Владимире.

Нам, живущим в эпоху освоения космического пространства, трудно даже представить, как наивно истолковывались явления природы всего полтора столетия назад. Вот, например, как объяснялось, в «Грамматике философических наук...» происхождение грозы: «Воздух наполнен парами, испарениями, серою, смолою, селитрою и разными солями. Сии пары, поднявшись от сол-

нечной теплоты в самые высочайшие страны воздуха, рассеиваются там и носятся повсюду от ветров. От сего движения происходит смешение... брожение зажига-тельных материй с селитренными кислотами, которое, доходя до воспламенения, производит тот свет, который мы видим загорающимся в небе».

Оценивая деятельность Пономарева во Владимире, нельзя не обратить внимания на то, что он не ставил перед собой чисто коммерческих целей. Литература, выпускаемая Пономаревым, была по преимуществу научной и научно-популярной. А ведь и в XVIII веке было немало литературных спекулянтов, которые печатали всякую чепуху, рассчитанную на самые малокультурные и невзыскательные круги читателей. Особенно этим отличался некий Глеб Громов, публиковавший книги с картинками рискованного свойства вот под такими названиями: «Любовь книжка золотая», «Любовники и супруги, или мужчины и женщины (некоторые)», «Нежные объятия в браке и потехи с любовницами» и др. Передовые русские писатели резко выступали против Глеба Громова, профанировавшего самый смысл деятельности литератора.

Очевидно, у Матвея Пономарева было заготовлено немало рукописей для издания, так как спустя восемнадцать дней типограф обратился в губернское правление с просьбой разрешить печатать книгу «Памятник из законов», а также две книги на латинском языке. В губернском правлении просьба Пономарева сильно смутила местных чиновников. Латынь они не знали и вообще сомневались, можно ли разрешить издание литературы на нерусском языке. Последовал запрос в московскую цензуру. Оттуда ответили, что две книги, предложенные Пономаревым, можно напечатать.

Характер литературы, выпускаемой Пономаревым, говорит о том, что он был последовательным учеником

великого русского просветителя Николая Новикова. К сожалению, мы очень мало знаем о жизни Пономарева. Скучные сведения говорят о том, что Матвей Пономарев был сыном крепостного крестьянина. Каким-то образом Матвею посчастливилось освободиться от крепостной зависимости. Нам неизвестно, где и когда учился Пономарев. Вполне возможно, что он проделал такой же тягостный и славный путь, как другие талантливые люди из народа — Ломоносов, Баженов, Шубин, Кулибин. Во всяком случае, получив чин прапорщика, Пономарев вышел в отставку, поселился в Москве и в 1783 году открыл там типографию.

По свидетельству современников, типография Пономарева была одной из самых лучших в Москве. Книги, выпускаемые ею, пользовались популярностью среди читателей и привлекали к Пономареву видных представителей тогдашней интеллигенции. Так, корректором в московской типографии Пономарева работал знаменитый впоследствии Евгений Болховитинов, библиограф, автор первого крупнейшего словаря русских писателей. В числе других сотрудников Пономарева мы видим также С. И. Селивановского, который стал позднее популярным книгоиздателем, выпускавшим нередко книги радикального содержания.

Трудно сказать, как был связан Матвей Пономарев с местной интеллигенцией, насколько деятельно участвовали в его издательском предприятии местные владимирские авторы. Дальнейшее изучение книг, выпущенных в тот период во Владимире, видимо, поможет ответить на этот вопрос. Во всяком случае, в течение 1798 года была выпущена книга Марии Поспеловой «Лучшие часы моей жизни», затем появилось научное сочинение «О продолжении жизни ученых». Всего в 1798 году отпечатано десять книг. Для провинциальной типографии в восемнадцатом столетии это очень много.

Один из немногочисленных исследователей книгопечатания в провинции писал, что благодаря Пономареву издательская деятельность во Владимире процветала.

Успех Пономарева подтверждают и некоторые хозяйственные итоги. Ведь не секрет, что в те времена читателей было не так уж много, для простого человека даже выучиться грамоте было чрезвычайно затруднительно, поэтому книготорговцы и издатели часто терпели убытки, а то и совсем разорялись. Губительно сказывалось на издательском деле и влияние царской цензуры, которая подчас видела «крамолу» и там, где ее не было. Пономарев показал себя ловким и предприимчивым человеком.

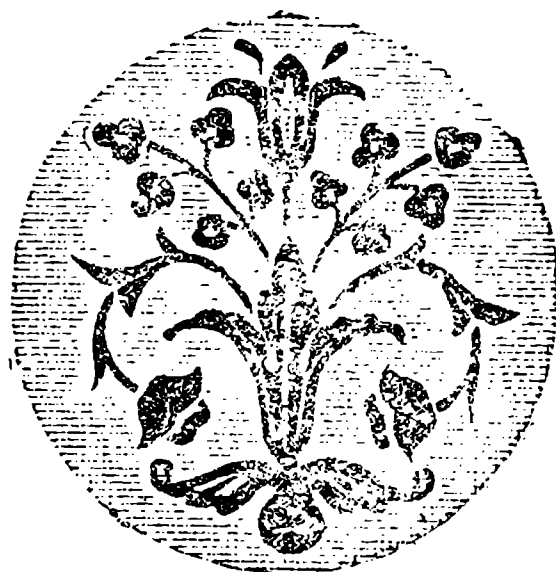
За четыре года своей деятельности во Владимире Пономарев не только не потерпел убытки, но и получил значительные доходы. Это объясняется тем, что Пономарев имел опыт не только лишь как издатель, но и как знающий дело книгопродавец. Книги, изданные во Владимире, распространялись во всех городах России. 2-го сентября 1801 года Пономарев обратился в губернское правление с просьбой продлить содержание типографии еще на два года.

Издатель предлагал губернскому правлению значительно более выгодные условия, чем были раньше, и контракт был возобновлен.

Интересно отметить, что в тот период во владимирской типографии было уже три печатных станка, причем два из них принадлежали Пономареву, а один — губернскому правлению. Жаль, что мы не знаем о том, как выполнял Пономарев свои обязательства по подготовке типографских рабочих. Претензий в этом отношении губернское правление к издателю не предъявляло и, видимо, он исправно готовил первых владимирских полиграфистов, если применимо это слово к тогдашним типографщикам.

К 1803 году снова появилась возможность печатать книги в Москве, и Пономарев, окончив свою работу во Владимире, возвратился в крупный культурный центр страны.

Такова история рождения первой книги, выпущенной во Владимире.

В ДАЛЕКОЙ СИБИРИ

ИЕРЕД нами небольшая,
форматом в четверть

листа, книга, носящая очень своеобразное название — «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». Год издания — 1789. Книга открывается предисловием, в котором Панкратий Платонович Сумароков сообщает, что в Тобольске любители российской словестности решили издавать ежемесячник литературно-художественных произведений. Так, в XVIII веке, в Сибири было основано первое периодическое издание, один из самых ранних провинциальных журналов, который обычно сокращенно называют «Иртыш».

Первым журналистом в Сибири называют Панкратия Платоновича Сумарокова. Но не многие знают, что имя основателя сибирской печати тесно связано с владимирской землей.

Сведения о Сумарокове рассыпаны по старым забытым книгам. Но, когда собираешь все сведения воеди-

но, то возникает образ превосходного журналиста, сатирика, поэта-баснописца, человека нелегкой судьбы. Сумароков вписал интересную страницу в историю культурной жизни Сибири. И не совсем правильно, что в современных курсах истории отечественной журналистики имя Сумарокова не упоминается.

Он родился в 1765 году во Владимире. Здесь же прошло детство будущего писателя. В отроческом возрасте для продолжения образования Сумарокова отправили в Москву. В древней столице он увлекся чтением книг, в совершенстве изучил французский язык, стал свободно говорить по-немецки. Кроме того, даровитый мальчик писал стихи, музицировал, мастерски рисовал.

Затем мы видим Сумарокова в Петербурге корнетом лейб-гвардейского полка. В то время значительная часть интеллигенции и передовые группы дворянства увлекались чтением сатирических журналов. Лучшие из этих журналов в завуалированной форме нередко выражали антикрепостнические и антимонархические настроения.

Сумароков оказался в гуще военной и литературной жизни. Он начал писать весьма острые эпиграммы на начальствующих лиц, его фамилия появилась в журнале «Лекарство от скуки и забот». Юноша мечтал стать таким же известным поэтом, как его близкий родственник Александр Петрович Сумароков, на чьи стихи тогда была большая мода. Но вскоре молодого офицера несправедливо обвинили в преступлении, судили, лишили всех прав, состояния и отправили в Сибирь.

А случилось это таким образом. Сумароков любил рисовать. Однажды к нему зашел знакомый офицер — человек пустой и легкомысленный. Увидя, как Сумароков мастерски занимается живописью, знакомый спросил:

— А можешь ты нарисовать бумажную ассигнацию?

Сумароков рассмеялся и ответил, что это для него никакого труда не представляет. По просьбе офицера он быстро нарисовал ассигнацию и отложил ее в сторону. Знакомый, уходя, тайком прихватил рисунок, обрезал дома его по форме настоящей ассигнации и вечером, в купеческой лавке пустил фальшивку в оборот. Обман открылся. И хотя невиновность Сумарокова легко выяснилась, его объявили фальшивомонетчиком.

Таким образом Сумароков оказался одной из жертв царского произвола. Царское правительство стремилось уничтожить всякое проявление общественной мысли в печати. Вспомним ссылку Радищева, арест Новикова, сожжение «Вадима» Княжнина, бесчинства цензуры...

Но молодой Сумароков, оказавшись в Сибири, не упал духом. Вокруг ссыльного поэта стала группироваться литературная молодежь. В частности, Сумароков очень подружился с учителями из Тобольского главного народного училища. В кружке Сумарокова почти все писали стихи, басни, драмы, комедии, статьи. Отсюда — один шаг до издания журнала. И вот в сентябре 1789 года в Тобольске стал выходить журнал «Иртыш» объемом в четыре печатных листа.

Сумароков много и систематически писал для журнала. Он публиковал оригинальные и переводные стихотворения, басни, повести, оды, эпиграммы, философские и естественно-научные статьи. Вообще при издании «Иртыша» Сумароков проявил качества, необходимые журналисту, — быстроту, умение писать на различные темы, принципиальность и любовь к своему делу.

Журнал издавался по декабрь 1791 года. Затем Сумароков начал выпускать научный и художественный журнал «Библиотека ученая» (1793—1794 гг.). Вышло двенадцать объемистых сборников. В одном из них был

ИРТЫШЬ

ПРЕВРАЩАЮЩИЙСЯ ВЪ ИПО-
КРЕНУ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ОТЪ

Тобольскаго главнаго народнаго училища.

МЪСЯЦЪ СЕНТЯБРЬ

1789 ГОДА.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома нахсдитъ.

Она въ феліцѣй напечатана въ 1 числѣ сего мѣсяца по счисленію

ВЪ ТОБОЛЬСКѢ

Въ Типографіи Тоб. купца Вас. Корнильева.

опубликован сумароковский перевод с немецкого поэмы «Первый мореплаватель». Но журналу не было суждено стать долговечным. Число подписчиков оказалось недостаточным, да и, видимо, сильно мешала цензура.

Но к этому времени Сумарокову удалось наладить связь со столичными журналами и видными издателями. Общественному мнению было хорошо известно, что скромный и трудолюбивый Сумароков пострадал от ложного обвинения. Фамилия журналиста из Тобольска стала часто появляться в московских и петербургских изданиях.

Так, в 1795 году два стихотворения Сумарокова были опубликованы в московском журнале «Приятное и полезное препровождение времени».

В 1796—1799 гг. Н. М. Карамзин стал издавать поэтический альманах: «Аониды, или собрание разных новых стихотворений». Этим поэтическим сборникам была суждена громкая литературная слава. Много позднее сам Пушкин восхищался «Аонидами». Карамзин стремился наиболее полно представить новейшую русскую поэзию в лучших образцах. «Аониды» — первый, собственно, стихотворный русский альманах. Весьма примечателен тот факт, что в третьей части сборника перепечатаны стихотворения Сумарокова, ранее опубликованные в «Иртыше».

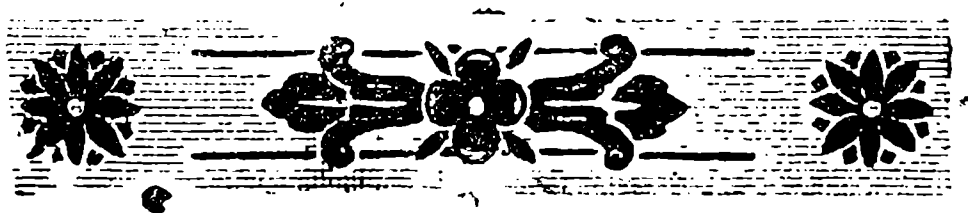
Появление в «Аонидах» явилось началом литературной известности Сумарокова в писательских столичных кругах; вскоре в Москве вышла книга Сумарокова «Собрание некоторых сочинений, подражаний и переводов».

В самом начале XIX века Сумарокову, проведенному много лет в ссылке, разрешено было вернуться в центральную Россию. К сожалению, сведения о жизни Сумарокова после ссылки весьма скудны. Но, во всяком случае, мы видим Сумарокова сначала редактором московского «Журнала приятного, любопытного и забав-

ного чтения» (1802—1804 гг.). Потом Сумароков редактировал самый популярный в России журнал «Вестник Европы», став, правда ненадолго, преемником Карамзина.

Умер Сумароков в 1814 году. Спустя 18 лет после его смерти в типографии известного издателя Плюшара вышел сборник стихотворений поэта.

Мы чтим память Сумарокова — одного из зачинателей провинциальной журналистики, человека, стараниями которого был значительно расширен круг читателей в далекой Сибири. Жизнь Сумарокова совпала с тем периодом, когда прогрессивная журналистика, преодолевая цензурный гнет, росла вширь, захватывая и завоевывая на свою сторону читателя в самых отдаленных уголках нашей Родины.

*Что ж будет памятью
поэта!
Мундир?.. Не может быть!..
Грехи?
Они оброк другого света...
Стихи, друзья, мои, стихи!*
А. Полежаев.

УТЕРЯННЫЕ ТЕТРАДИ

БЫНЕ трудно предста-
вить себе Ковров трид-
цатых годов прошлого века. На старинной выцветшей
литографии мы видим одноэтажные домики в вишневых
садах, улицы, поросшие густой травой, хлебные амбары
возле пристани на берегу Клязьмы. В провинциальном
приречном городке жизнь текла по домостроевскому
укладу, однообразно, уныло и неторопливо.

Но однажды сонное спокойствие было нарушено чет-
кой барабанной дробью. В город вошел московский пе-
хотный полк. Совсем недавно полк был в горячих делах
на Кавказе. Солдаты показывали рубцы на теле, полу-
ченные в сражениях при Чир-Юрте, Герменчуге. ветера-
ны рассказывали о памятном всем переходе через Орел,
Воронеж, Новочеркасск, Ставрополь...

Появление полка явилось немаловажным событием
для ковровских жителей. В лучших (разумеется, по тог-

дашним понятиям) домах принимали офицеров с распростертыми объятиями. Нашлись друзья и для Александра Полежаева, только что произведенного в унтер-офицеры.

Трагична судьба крупного поэта — автора поэмы «Сашка». Будучи студентом Московского университета, он снискал известность превосходными стихами. Особенно большое распространение получила сатирическая поэма. Пародируя пушкинского «Евгения Онегина», рисуя порой нескромные сцены, Полежаев едко высмеивал николаевские порядки. Отнюдь не в розово-голубых тонах поэт описал похождения студента в кабаках и других местах, его схватки с полицией и т. д. По приказу Николая I Полежаев был уволен из студентов, определен унтер-офицером в полк, а затем разжалован в рядовые. Лишь за храбрость и отвагу, проявленные в боях, ему было присвоено позднее, незадолго до прихода в Ковров, звание унтер-офицера. Здоровье Полежаева было основательно подорвано тяжелой жизнью, он начал глухнуть. В стихах поэт зло высмеивал сочинителей, восхищавшихся экзотикой кавказской военной жизни, в реалистических тонах описывал тягостный солдатский бранный труд:

Их мочит дождь, их сушит пыль...
Идут — и живы, слава богу!
Друзья, поверьте, это был!
Я сам, что делать, понемногу
Узнал походную тревогу,
И кто что хочет говори,
А я, как демон безобразный,
В поту, усталый и в пыли,
Мочил нередко сухари
В воде болотистой и грязной.

Жизнь в Коврове имела для поэта ряд преимуществ. Отсутствие военных тревог, позволяло сосредоточить

А. Полежаев.

внимание на стихах; появилось значительно больше возможностей печататься, завести знакомство с близкими по духу людьми. Хотя на Кавказе в боевых схватках куда быстрее можно было добиться выслуги, офицерского чина и, следовательно, сбросить армейскую лямку, уйти в отставку.

Но, во всяком случае, сам Полежаев радовался переводу в Ковров. В послании к А. П. Лозовскому поэт писал про себя, что он

...без грусти и тоски
Покинул бранные станицы...

В то время в городах Владимирской губернии уже было немало разночинной молодежи, пылавшей ненавистью к крепостному режиму. Следы их настроений почти невозможно обнаружить в печатных источниках того времени. Николаевская цензура не разрешала писать о крестьянских волнениях, о смелых речах молодежи. Но в тайных рапортах агентов полиции и жандармерии приводилось немало любопытных фактов. Так, например, в 1830 году губернатор секретно доносил в Петербург, что в районе Мурома появились «возмутительные листовки», в которых говорилось о том, что владимирские дворяне обращаются с крестьянами, как со скотиной, что необходимо уничтожить крепостное право и т. д.

Среди разночинцев в Коврове самой яркой фигурой был Николай Ильич Шаганов. С ним-то и подружился опальный поэт.

В настоящее время имя Шаганова почти забыто. Между тем, этот весьма начитанный человек умел мыслить самостоятельно и был на голову выше окружавшей его провинциальной среды.

Происходя из старинного купеческого рода, Шаганов принадлежал к тому поколению, которое воспитывалось под влиянием «грозы двенадцатого года». Уже в

раннем детстве он с восторгом слушал рассказы о подвигах русских солдат в борьбе против наполеоновских полчищ, о военных походах. Навсегда запомнилось мальчику, как в их доме отдыхали три пленных французских генерала, конвоируемые через Ковров в Нижний Новгород.

Любимым поэтом Николая Шаганова был Шиллер, которого он читал в подлиннике. С жадным вниманием слушал юноша передаваемые шепотом вести о восстании декабристов, об их скорбной участи. Следует отметить, что во Владимирской губернии выписывалось немало журналов, в которых до 1826 года активно сотрудничали декабристы. У нас нет данных о том, читал ли Шаганов «Полярную Звезду», «Невского зрителя», «Соревнователя просвещения». Зато мы точно знаем, что Шаганов увлекался новиковскими журналами, издававшимися еще в восемнадцатом веке. Это было достойное чтение, если вспомнить, что на новиковских сочинениях воспитывались многие из будущих декабристов. Нет ничего удивительного в том, что поклонник Шиллера и старомодных книг XVIII века, наполненных вольнодумными мыслями, решил образовать в Коврове тайное общество молодых людей.

Для секретных сборищ была избрана комната в еще неотстроенном доме Шаганова-отца. Молодые люди не только толковали «о Шиллере, о славе, о любви», но и обсуждали запрещенные книги. Здесь раздавались пламенные речи о «проклятых вопросах» российской действительности.

В маленьком городке шагановские сходки не могли оставаться долго незамеченными. Один прокутившийся молодой человек, видимо, в порыве «раскаяния» или, желая восстановить в глазах властей свою подмоченную репутацию, выдал организующееся тайное общество. Город был переполошен облавой, устроенной на

шагановский кружок, который захватили на месте. Однако дело скоро уладилось. Шаганов-отец, хотя и не был так богат, как дедушка Николая Ильича, но все же владел лавкой красного товара, амбарами на князьминском берегу, двумя домами...

Полежаев и Шаганов быстро сблизились и полюбили друг друга. Уже в глубокой старости вспоминал Николай Ильич о своих беседах с опальным поэтом. Полежаев переписал для своего нового друга стихотворение-памфлет «Четыре нации», строфа из которого в рукописях обошла затем всю страну:

В России чтут
Царя и кнут;
В ней царь с кнутом,
Как поп с крестом...

Не трудно догадаться, какое революционизирующее впечатление на молодежь производили стихи Полежаева, призывавшие к смелой борьбе с самодержавием.

Полежаев не мог не рассказывать о своем свидании с Николаем I, про которого современники говорили, что он обладал взглядом гремучей змеи. Позднее другой владимирский изгнанник — Герцен со слов Полежаева описал эту встречу. Полежаева ночью привезли во дворец, и Николай приказал поэту читать «Сашку» вслух. «Волнение Полежаева, — пишет Герцен, — было так сильно, что он не мог читать. Взгляд Николая неподвижно остановился на нем. Я знаю этот взгляд и ни одного не знаю страшнее, безнадежнее этого серо-бесцветного, холодного, оловянного взгляда.

— Я не могу, — сказал Полежаев.

— Читай! — закричал высочайший фельдфебель.

Этот крик воротил силу Полежаеву, он развернул тетрадь. Никогда, говорил он, я не видывал «Сашку» так переписанного и на такой славной бумаге.

Сначала ему было трудно читать, потом, воодушевляясь более и более, он громко и живо дочитал поэму до конца. В местах особенно резких государь делал знак рукой министру. Министр закрывал глаза от ужаса.

— Что скажете? — спросил Николай по окончании чтения. — Я положу предел этому разврату, это все еще следы, последние остатки, я их искореню...»

Таким образом Николай I рассматривал поэта, как последователя декабристов, которых царь всегда ненавидел и боялся.

Постепенно у Шаганова скопилось несколько тетрадей со стихами Полежаева. Было в этих тетрадях и неизвестное стихотворение «Ренегат». Но из этого произведения до нас дошли лишь две строки:

Мир создал бог,
Но кто же создал бога...

Плодотворно начавшейся дружбе не суждено было продолжаться. Тяжелые испытания ждали впереди Полежаева, чей полк летом 1833 года был переведен в Москву.

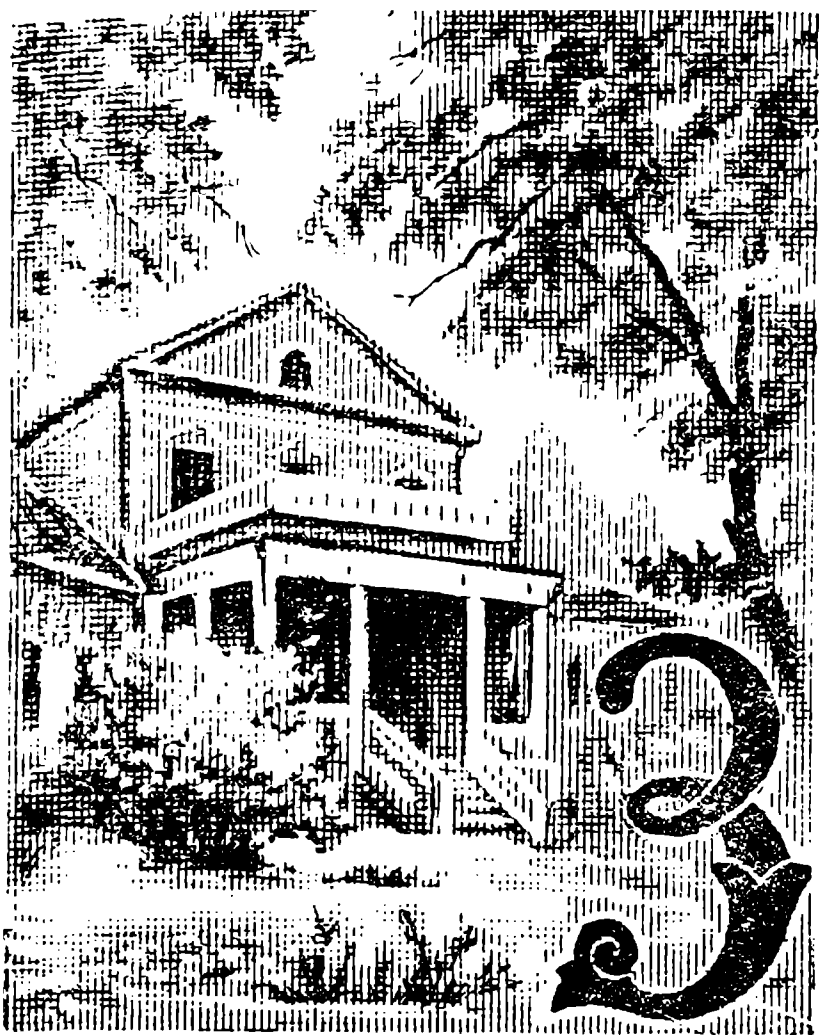
Исследователи творчества Полежаева, в частности автор многих книг о поэте И. Д. Воронин, считает, что пребывание изгнанника в Коврове способствовало развитию демократических взглядов писателя.

Много различных передряг предстояло пережить Шаганову в омуте провинциальной жизни. Не будем касаться его деятельного сотрудничества во владимирской газете. Это тема для отдельного разговора. Скажем сейчас о том, что, по утверждению современников, обширная библиотека и находившиеся в ней рукописи Николая Ильича были расхищены во время его продолжительной болезни: перед смертью Шаганов ослеп!

Мы, вероятно, ничего бы не знали об идейной близости и дружбе Шаганова с замечательным русским поэтом, если бы рассказы об этом любопытном событии не были бы записаны выдающимся владимирским краеведом А. В. Смирновым, автором словаря наших земляков.

Владимирский краевед еще в конце прошлого века писал о пропаже тетрадей с полежаевскими стихами. Но некоторые ковровские старожилы утверждают, что, якобы, видели тетради со стихотворениями Полежаева в 1939 году! Конечно, стихи Полежаева расходились в многочисленных списках и трудно сказать, выплывали ли на белый свет шагановские тетради или они безвозвратно утрачены, как многие произведения подпольной литературы, сопутствовавшей русскому освободительному движению. Но ведь пока никто на земле владимирской по серьезному не занимался поисками стихотворений опального поэта.

ОСЕНЬ В АБРАМЦЕВЕ

ОЛОТУЮ осень в Подмосковье незаметно сменила пора листопада. Кострами догорают нарядные клены, в сухом прозрачном холодном воздухе кружится медная листва; сладко пахнет рыжеватая хвоя. Эти дни прекрасны везде: и на берегах Клязьминского водохранилища, и в декоративных аллеях Останкинского заповедника, и на Московском море... Но едва ли где в другом месте вы испытываете такой живительный восторг и светлое чувство, трогаящее самое сокровенное в душе, как в Абрамцеве. Здесь в дружеском рукопожатии слились и очаровательная природа, и искусство в высоких образцах нашего национального гения, и родная отечественная поэзия.

Осенние дни не отпугнули многочисленных посетителей Абрамцева, где ныне расположен музей-усадьба Академии наук СССР. Нескончаемый поток экскурсантов устремляется сюда в воскресные дни. В книге посе-

выросло, запечатлев в своей памяти образы аксаковских героев, аксаковскую любовь к природе! Можно назвать много книг, пользующихся более громкой славой и известностью, чем аксаковская повесть о детстве. Но любовь юношества к «Детским годам Багрова-внука» прочна и долговечна. Прошло сто лет, а книга любима и читаема, она пробуждает в нас самые добрые чувства. Можно не сомневаться, что этой книгой будут увлекаться и наши далекие потомки.

... Солнце вспыхивает на красноватых осинах. В березняковую чащу спешат грибники. Если пойти подальше в лес, то, наверное, набредешь на озерко, у которого сидела васнецовская Аленушка, тоскуя о братце Иванушке.

В тенистом парке, у знаменитого «домика на курьих ножках», вы видите возле частокола седовласого художника, который примостился с палитрой. Пусть рукам холодно в это утро, зато пишется весело и хорошо. В парке все дышит памятью о великих русских художниках, часто гостивших в Абрамцево. Вот дуб, посаженный Репиным... Пруд, навеки запечатленный Поленовым. Не на этой ли поляне увидел Нестеров своего отрока Варфоломея?

К открытию музея в Абрамцево прибывают первые экскурсанты. С благоговением входят они в дом, столько повидавший на своем веку. Впрочем, «на своем веку» — выражение в данном случае не совсем точное, ибо дом поставлен был еще в восемнадцатом столетии. Да, многое повидали эти стены. Во времена Аксакова здесь раздавались живые речи Щепкина, здесь вступал в споры молодой Тургенев, с актерским мастерством читал Гоголь вслух свои новые произведения. Спустя несколько десятилетий в одной из комнат Серов рисовал свою всемирно известную «Девочку с персиками».

Недавно произошел вот такой эпизод. По залам проходил молодой человек в военной форме. Он с живым любопытством разглядывал вещи, картины, книги. Вдруг юноша внезапно воскликнул взволнованным голосом:

— Посмотрите, товарищи, это же мой родич...

Действительно, на портрете был изображен хотьковский крестьянин, послуживший прототипом образа Ильи Муромца в знаменитых васнецовских «Богатырях». Именно здесь художник увидел славного богатыря земли русской — Илью Муромца!

Небольшой дружный коллектив научных сотрудников музея «Абрамцево» состоит из больших энтузиастов, любящих и знающих свое дело. Постоянно и вдумчиво пополняют и улучшают они экспозицию, буквально «охотятся» за ценными экспонатами.

Расскажу вкратце историю о том, как был приобретен самый последний экспонат. Известно, что один экземпляр своей книги «Мертвые души» Гоголь подарил С. Т. Аксакову. Обширная аксаковская библиотека уже давно утрачена, и лишь изредка удается найти из нее книги. Директор музея Николай Павлович Пахомов много лет безрезультатно искал «Мертвые души» с автографом Н. В. Гоголя. И совсем недавно, копаясь в ящике со старыми книгами у знакомого букиниста, Николай Павлович обнаружил экземпляр первого издания «Мертвых душ». Открыв книгу, Н. П. Пахомов был изумлен и обрадован, увидев знакомый, столь характерный почерк Гоголя. Это был гоголевский подарок Аксакову. После многолетних странствий «Мертвые души» вновь вернулись в родное Абрамцево, в старый аксаковский дом.

Надо сказать, что Николай Павлович Пахомов — старейший музейный работник нашей страны, автор нескольких крупных научных трудов. Ему довелось быть

одним из создателей музеев Лермонтова в Тарханах и Пятигорске, Белинского — в Пензенской области, Толстого — в Москве, и, наконец, музея-усадьбы в Абрамцево. Николай Павлович организовал крупнейшие литературные и художественные выставки, которые у всех надолго остались в памяти. Разве можно забыть Всесоюзную лермонтовскую выставку, устроенную с такой любовью к великому поэту? Н. П. Пахомов занимался экспозицией выставок Толстого, Белинского, Пушкина, Гоголя, Аксакова, Тургенева, Васнецова, Врубеля...

«Лермонтов в изобразительном искусстве» — так называется обстоятельная монография Н. П. Пахомова, в которой детально описаны все известные прижизненные изображения поэта, прослежена их дальнейшая судьба, приведены свидетельства современников о них, указаны основные сведения о портретистах, рисовавших Лермонтова. Работа Пахомова оказалась совершенно необходимым пособием не только для редакторов, издателей, биографов поэта, но и для всех, кто любит и изучает творчество Лермонтова. К этой монографии тесно примыкает другая большая работа Пахомова — «Живописное наследство Лермонтова», в которой показано замечательное мастерство поэта как живописца, оригинальность его картин и рисунков. Большой популярностью у читателей пользуется пахомовский путеводитель по Абрамцево, издававшийся дважды. К сожалению, тиражи изданий далеко отстают от спроса, и ныне путеводитель купить просто невозможно. Надо сказать, что книги Пахомова привлекают нас тем, что они глубоко научны по содержанию и живо, увлекательно написаны. В одном из своих отзывов виднейшие деятели культуры В. Виноградов, Н. Гудзий, И. Грабарь, Л. В. Маяковская, А. Лаптев, С. Машинский и И. Зильберштейн пишут: «Своей многолетней и, можно сказать, самоотверженной работой Н. П. Пахомов за-

служил всеобщую признательность и уважение нашей общественности».

...Хороши осенние дни в Абрамцево. Здесь испытываешь такое чувство, словно побывал в гостях у писателей и художников, которых давно лично знаешь как добрых друзей. Каждый посетивший Абрамцево особенно сильно ощущает любовь к нашему великому Отечеству, к бессмертной русской культуре.

*Вот человек, кото-
рый делал все, что мог,
и все, что мог, — сде-
лал.*

М. Горький.

ВЛАДИМИРСКИЙ ПЛУТАРХ

МАКСИМА Горького
есть слова, исполненные
веры в творческую энергию людей: «На севере, за Вол-
гой, в деревнях, спрятанных среди лесов, встречаются
древние старики, искалеченные трудом, но всегда полные
бодрости духа, непонятной и почти чудесной, если не
забыть долгие годы их жизни, полной труда и нищеты,
неисчерпаемого горя и незаслуженных обид... Такие ста-
рики — Гомеры и Плутархи своей деревни, они знают ее
историю — бунты и пожары, порки, убийства, суровые
сборы податей, — знают все песни и обряды, помнят
героев деревни и преступников, ее предателей и
честных мирян и умеют равномерно воздать должное
всем».

Когда читаешь горьковскую речь, утверждающую
любовь и доверие к людям, думаешь о человеке, чье
имя ныне незаслуженно забыто.

Ныне во Владимире мало кто помнит Александра Васильевича Смирнова. Если и вспоминается иногда его имя, то лишь как автора большого библиографического словаря «Уроженцы и деятели Владимирской губернии». Словарь этот, ставший теперь букинистической редкостью, высоко ценится специалистами. Но дело в том, что заслуги Смирнова далеко не исчерпываются созданием словаря. Этот человек многое сделал для познания истории культуры Владимирского края. Александр Васильевич деятельно сотрудничал в местных и столичных изданиях, выступал с рассказами, очерками, корреспонденциями. Он составил весьма полезный указатель к газете «Владимирские губернские ведомости», а также каталог Владимирской библиотеки. Будучи по профессии врачом, Смирнов напечатал несколько медицинских сочинений. Кроме того, интересные работы оставил Смирнов по археологии, этнографии, истории. Александр Васильевич был одним из членов-учредителей Владимирской ученой архивной комиссии, одной из лучших в России; он с редким энтузиазмом собирал экспонаты для Владимирского музея, подарил городу Владимиру свою личную библиотеку, состоявшую из нескольких тысяч редких и уникальных книг. Плутархом своего родного владимирского края представляется нам Александр Васильевич Смирнов — библиограф, краевед, автор-беллетрист, этнограф и историк.

А. В. Смирнов родился в селе Вашкино Владимирской губернии в 1854 году. Грамоте мальчика научил заезжий семинарист. Затем в Переяславльском училище подростку пришлось хлебнуть все «прелести» бурсацкой жизни и испытать жизнь, столь красочно нарисованную Н. Г. Помяловским. Позднее, в середине семидесятых годов, мы видим Смирнова студентом сначала Варшавского, а затем Московского университетов. Студенту медицинского факультета приходилось бегать по гро-

шовым урокам, чтобы добыть себе хотя бы минимальные средства для существования.

Решающее значение в судьбе Смирнова сыграла встреча и совместная работа с А. В. Скалоном — крупным знатоком русской литературы, издателем произведений Герцена, поклонником Чернышевского, страстным любителем книги. Скалон увлек своим энтузиазмом Смирнова и приохотил его к занятиям по библиографии. Вместе взялись они за грандиозное предприятие: составление капитального библиографического словаря и репертуара русских книг и статей. «Словарь А. В. Смирнова и А. В. Скалона составлялся по широкому плану энциклопедичности, — пишет Ю. Масанов. Предполагалось дать в форме единой, систематизированной библиографической монографии, репертуар русских книг и статей, национальный словарь русских деятелей всех областей знания и одновременно словарь иностранных писателей, ученых и деятелей искусства, произведения которых печатались на русском языке. Подобные задачи не ставил себе ни один из русских библиографов ни до, ни после А. В. Смирнова. Свой огромный труд авторы назвали именем легендарного чудовища невероятных размеров «Левиафан». Но «Левиафану» не суждено было появиться на свет: у издателей не хватило средств, чтобы осуществить выпуск словаря. В настоящее время материалы первого тома хранятся в Москве, в Государственном литературном музее, к ним нередко обращаются научные работники: ведь в «Левиафане» дано такое полное описание книг и статей, какого не найдешь ни в одном библиографическом словаре.

В 1882 году Смирнов-врач отправился на работу в Судогодский уезд. В ту далекую дореволюционную пору судогодская лесная сторона была буквально медвежьим углом. Надо отдать должное Смирнову: он не поддавался гнетущей уездной жизни, не превратился в чиновника от

медицины. Нет, он не утратил горячей любви к печатному слову и ежегодно уезжал на месяц в Москву, где деятельно работал в библиотеках. Смирнов активно сотрудничал в московской газете «Современные известия», а также в «Русской старине» и во «Владимирских губернских ведомостях». Бесспорный интерес представляют библиографические очерки Смирнова о Ф. М. Достоевском, Н. И. Пирогове, А. Ф. Писемском, М. Е. Салтыкове-Щедрине. В пятой книге «Русской старины» за 1890 год появилось исследование Смирнова о Чернышевском, в котором с научной точностью впервые были учтены сочинения великого революционера-демократа. Печатался в «Русском курьере», «Будильнике» и т. д.

С 1885 года Смирнов работал санитарным врачом во Владимире, а также заведовал Владимирской библиотекой. Во Владимирской ученой архивной комиссии Смирнов сотрудничал вместе с такими маститыми учеными, как С. А. Венгеров, Б. Л. Модзалевский, П. И. Бартнев, В. И. Срезневский и другие.

В этот период Смирнов пишет свои обстоятельные библиографические очерки о Н. Н. Златовратском, Ф. Д. Нефедове, А. Н. Островском, и А. П. Чехове. Работа о Чехове явилась первой научной библиографией сочинений великого писателя.

Для владимирской газеты Смирнов на протяжении многих лет писал о наших знатных земляках. Из этих статей и составила книгу «Уроженцы и деятели Владимирской губернии». Критики восторженно встретили работу Смирнова. Известный историк русской литературы П. Е. Щеголев писал в «Историческом вестнике»:

«Сборник Смирнова нужно поставить на одно из первых мест среди изданий, преследующих подобные цели. Вы найдете сведения о таких лицах, о которых ровно ничего не было известно в печати».

Из книги Смирнова мы узнаем много ценнейших сведений о людях местного края. Любопытны творческие портреты владимирских журналистов, писателей, ученых, путешественников. Многие ли, например, знают о владимирце, который еще в XVIII веке совершил путешествие в Китай? Из словаря мы узнаем об ученом-самородке Голышеве, помогавшем Некрасову распространять в народе вольнолюбивые стихотворения, о десятках тружеников отечественной культуры, работавших в невероятно трудных условиях, но самоотверженно оставшихся на своих постах. От словаря Смирнова веет огромным уважением к человеку!

Конечно, с точки зрения нашей современности в словаре «Уроженцы и деятели Владимирской губернии» многое безнадежно устарело. Но, отбрасывая ненужные наслоения, мы черпаем из словаря множество важных фактов.

Библиограф В. И. Саитов писал Смирнову после прочтения словаря: «Про книгу вашу могу сказать только, что она сделала бы честь не только провинции, но и Петербургу. Не льщу, а говорю совершенную правду, ибо вижу, что Вы знаток дела и аккуратно работаете и следите за литературой предмета». В другом письме он отмечал: «И в провинции можно работать хорошо и толково: живой пример — Вы».

Образцово поставил Смирнов во Владимире библиографическую работу. В статье «Библиографические указатели» он писал: «Вообще надо сказать, библиография у нас в России в большом загоне и пользуется незаслуженным ею пренебрежением, тогда как едва ли кто будет спорить, что библиография — это архив всей нашей литературы, что она является основой, краеугольным камнем всякого научного исследования. Долг и обязанность различных учебных обществ и учреждений прийти в область библиографии на помощь всем

работникам по русской литературе и русской науке вообще и по мере своих сил и средств поддержать в обществе интерес к библиографии».

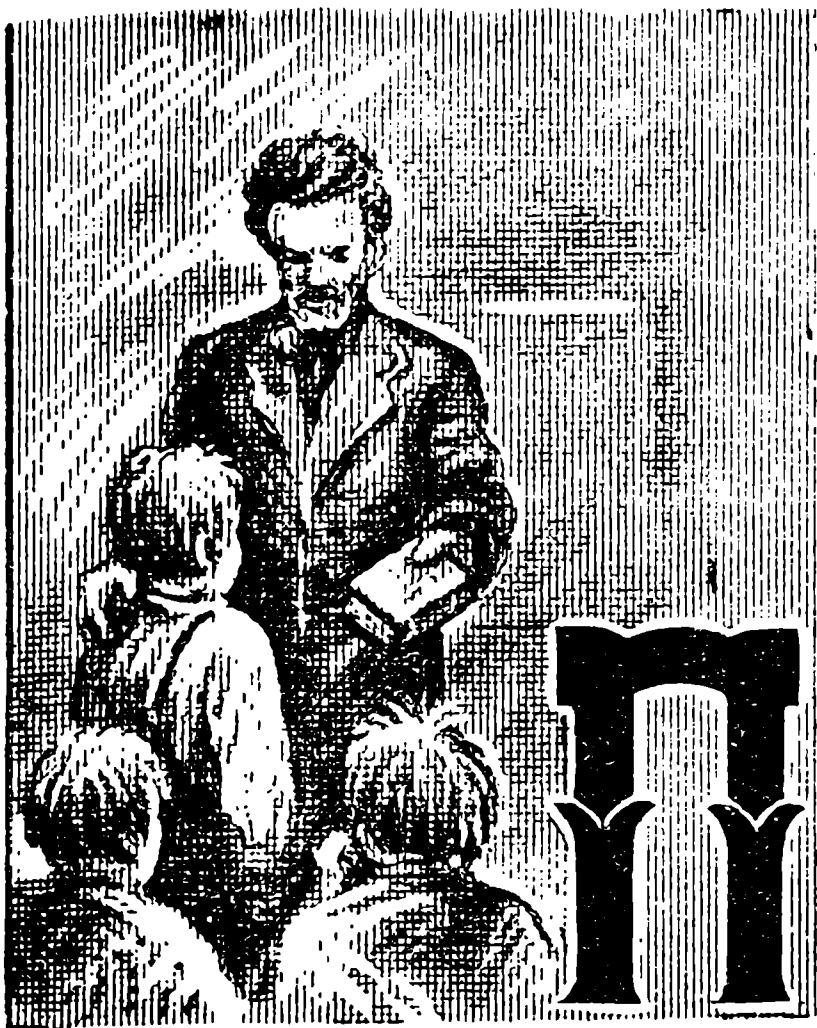
Александр Васильевич составил «Каталог библиотеки Владимирского собрания», в котором учтена художественная литература, свыше сорока русских журналов за разные годы их издания. Современники отмечали, что «Каталог» явился ключом ко всем публичным губернским библиотекам.

В течение своей жизни Смирнов опубликовал свыше 400 научных трудов.

Архив Смирнова, благодаря старанию замечательного советского библиографа И. Ф. Масанова, уже в советское время был передан на хранение в Пушкинский дом (Институт русской литературы Академии наук СССР). Некоторые материалы Смирнова хранятся во Владимирском государственном архиве. Здесь, в частности, находятся черновики работ Смирнова, письма к нему от видных ученых и писателей, рукописный журнал «Новости из новостей». Уже в послевоенное время в периодическом сборнике «Советская библиография» появилась статья, отмечающая заслуги нашего земляка.

Смирнов всю жизнь служил высокому и благородному делу. Он завоевал право на память на многие годы.

УЧИТЕЛЬ

РОЗРАЧНОЕ утро. Неяркое предосеннее солнце медленно плывет над Окой, блестит росой на луговой отаве, поднимает рыжие головы подсолнухов.

Со стороны дамбы виден безбрежный простор. На лево — ржаные и пшеничные поля, людный ток, скирды, похожие на богатырские шапки. Направо — голубое раздолье Оки, изрезанная оврагами луговина, ивняк да орешник. А на самом склоне, почти незаметный с дороги, лежит колхозный сад.

Девушки собирают наливные пахучие яблоки в большие двухручные корзины и относят плоды в белый чистый домик у вершины склона. В Чаадаеве занимаются садами давно. Вишнями, яблоками, малиной, всякой садовой ягодой чаадаевцы снабжают не только себя, но и окрестные селения.

С утра до вечера в саду жужжат пчелы. Своя колхозная пасека расположена по соседству, в ореховой роще.

Старику пасечнику, любителю поговорить на самые различные темы, не сидится одному на пасеке. Услышав в саду веселые голоса сборщиц яблок, старик пришел в сад.

— Пришел поглядеть, — сказал пасечник, — как мои пчелы к вам летают, большой ли взятки ныне.

Увидев посторонних, старик обрадовался: есть возможность завести интересную беседу.

— Чаадаево видели? — начал он. — Отменное селение. А по Ушне не путешествовали? Река маленькая, а гидростанций на ней много.

Потом старик принялся хвалить чаадаевских мастериц варить варенье, настаивать хмельной вишневый сок.

— И то сказать, коли хорошо поработаешь, можно и варений наварить, и разносолов заготовить. Раньше не то. Ничего похожего. Ребятишки, да и вся молодежь прошлого нашего села не помнят. А я помню. Нынче школа-то у нас какая — красавица, учителей сколько... А раньше... Да и что за учителя были? Ходил у нас в прежнее время безногий отставной солдат и учил читать за кринку молока... Бывало мать нальет ему махотку парного молока, так он нас за это по псалтырю аз-буки-веди учил.

Старик помолчал, а потом спросил:

— Историей интересуетесь? Я много всяких историй знаю. Да, учителя всякие были, — продолжал он. — Мой покойный дедушка любил вспоминать одного доброго человека, что его грамоте научил. Жил этот человек у нас, в Чаадаеве, недолго, а до сих пор о нем всякие рассказы ходят.

Случилось это вскоре после того, как крепостное право отменили. На том месте, где сейчас школа-красавица стоит, была ветхая избенка, ее тоже школой именовали. Однажды, дед мне рассказывал, на тройке с

бубенцами приезжает человек: по обличию барин, господин, а держался так просто. Снял человек квартиру и начал ящик с тройки сгружать ящики. Все гадали, чего такое в ящиках? Наверное, думали, товар красный для купеческой торговли. А человек ящики разгрузил, стал их открывать — все так и ахнули! В ящиках-то полным-полно книг да разных бумаг.

Стали мужики спрашивать: на что вам, барин, книг столько? Человек отвечает: я, де, не барин, а учитель, приехал ваших ребятишек грамоте учить, а в книгах пишется, как жить нужно, чтобы счастье найти.

Стал учитель у нас жить. Ребятишек не обижал. Даже велел розги из школы выкинуть. По вечерам собирались у учителя чаадаевские мужики и из соседних сел приходили. Очень уже занимательно учитель обо всем на свете рассказывал:

— Да как фамилия учителя?

— Я не помню и никто не помнит. Помним только, что учитель про всякие хождения-путешествия рассказывал. Про бури-штормы на морях-океанах, и про жаркие страны, где люди нагишом ходят. И про то, как экватор переезжали, и как морского бога, он Нептуном называется, в бочке купали.

Мужики начнут про нужду рассказывать, и учитель все внимательно выслушает, кому прошение задаром напишет, а с кем вместе в уезд съездит, а потом скажет:

«Настанет время, будет и в Чаадаеве хорошая жизнь». Песни часто пел, а старики ему подпевали:

Жизни тот один достоин,
Кто на смерть всегда готов,
Наш отважный русский воин,
Не считая бьет врагов.
Что французы, англичане?
Что турецкий глупый строй?
— Выходите бусурмане,
Вызываем вас на бой!

Полу и уряднику учитель не понравился. Начали они на него доносы не только в губернию, но и в Петербург строчить. Пришлось учителю покинуть село. Все его жалели. Уезжал он, так собралось почти все село, до самого Мурома вместе с ним шли.

Пасечник замолчал, а затем добавил.

— Нынче жизнь иной стала. Уж я на что старик, а как молодой — стихи писать начал. Хожу с дымарем по пасеке, губами шевелю — стихи сочиняю... Две басни в колхозной стенгазете напечатал.

На прощание старик попросил:

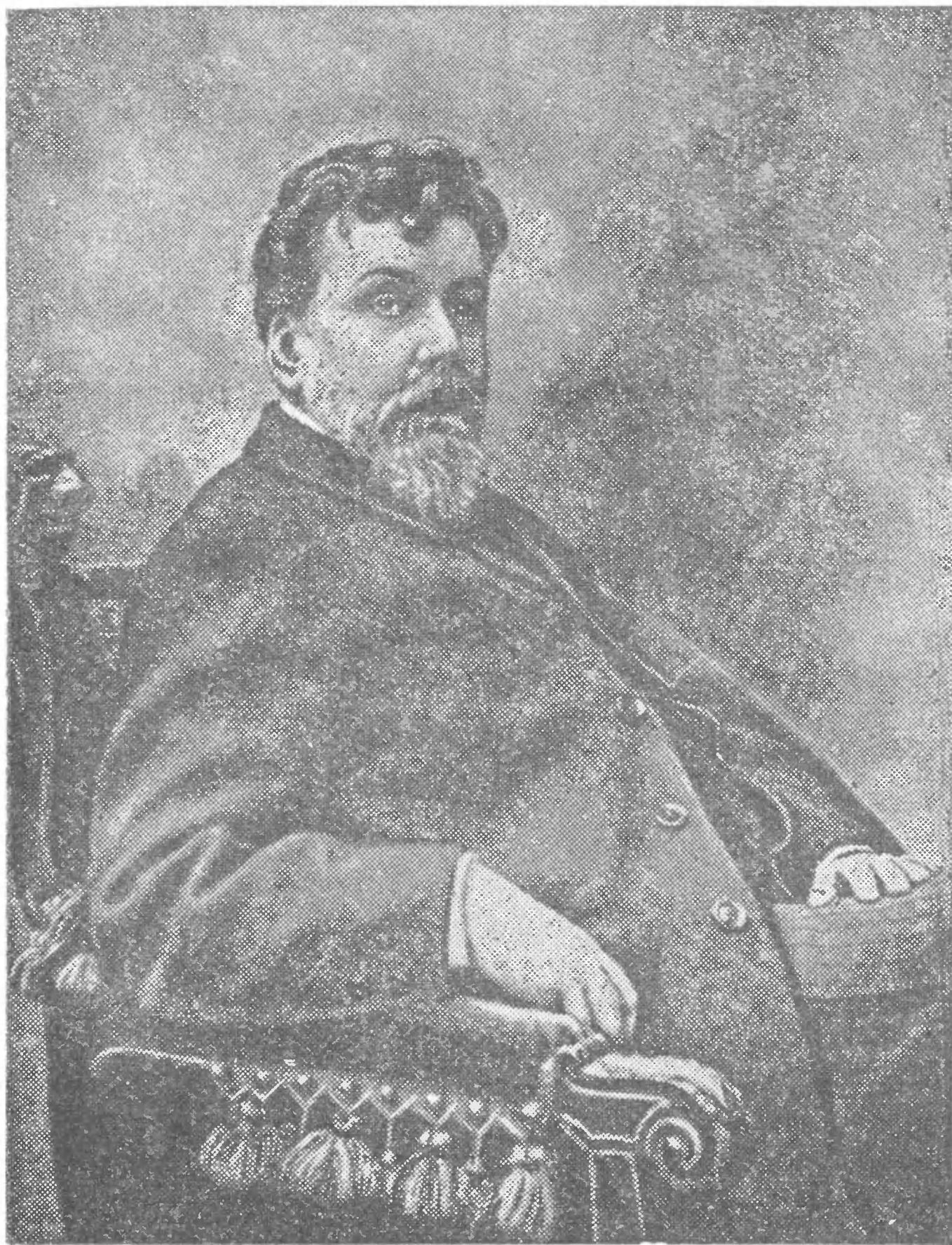
— Нельзя ли в архивах, музеях справку навести, что за человек у нас в прошлом веке учительствовал, как его имя...

Однако выполнить просьбу старика оказалось делом вовсе нелегким. В местных архивах не сохранилось никаких документов о чаадаевских учителях. Ничего не писали о селе Чаадаеве и дореволюционные краеведы. Правда, в некоторых сборниках встречалось упоминание этого села в связи с палеонтологическими находками. Но более близкое время краеведов не заинтересовало.

Только счастливая случайность помогла обнаружить, казалось бы, забытое навсегда.

Перечитывая книги Константина Михайловича Станюковича — этого флагмана русской морской литературы, его письма, статьи, заметки, обращаешься и к его автобиографическим заметкам, хранящимся в настоящее время в бумагах Центрального Государственного литературного архива. В них Станюкович сообщает, что в 1885 году «чтобы хорошо ознакомиться с народным бытом», он становится народным учителем в селе Чаадаеве Муромского уезда Владимирской губернии.

Так вот кто заслужил такую благодарную память в селе Чаадаеве!

К. М. Станюкович

Прежде чем попасть в глухой Муромский уезд, Станюкович прошел большой жизненный путь. Сын адмирала, участник героической обороны Севастополя, Константин Михайлович в качестве морского офицера совершил плавание по многим морям и океанам. Будучи еще совсем молодым человеком, он побывал в Германии, Англии, на Модерских островах, в Батавии, Китае, Индо-Китае, Америке. В своих художественных очерках и рассказах, относящихся к кругосветному плаванию, Станюкович запечатлел образы русских моряков, правдиво показал жизнь и быт народов тех стран, в которых ему довелось побывать.

Но где бы ни был Станюкович, все его помыслы устремлялись к родной стране, к своему народу. Недаром во время пребывания в Лондоне Станюкович стремился «проскользнуть» к великому писателю-революционеру Герцену, имя которого также тесно связано с владимирским краем. Своей сестре Станюкович писал из дальнего плавания «Чувство привязанности к родине очень естественно и понятно... Я не принадлежу к числу таких господ... вроде графа Медема, русского путешественника... не говорящего ни слова по-русски».

С возмущением описывал Станюкович издевательства колонизаторов над поработоченными народами: «Каждый французский офицер имел право делать с пленными, что хочет, и я нередко слышал, как в кофейной... какой-нибудь французский безбородый сульетенант хвастался, что он тогда-то повесил пятерых... и как его товарищ спорил, что это еще немного, а что вот он тогда-то повесил десяток. И все это рассказывается шутя, при общем смехе, точно какое-нибудь скандальное любовное происшествие».

По возвращению из кругосветного плавания перед Станюковичем открывалась возможность сделать блистательную карьеру. Отец писателя располагал огром-

ными связями и желал во что бы то ни стало, чтобы сын, продолжатель рода Станюковичей, оставался моряком, но Константин Михайлович решает по-своему: флотский лейтенант уходит в отставку и становится журналистом. Разгневанный отец, многие черты которого Станюкович увековечил впоследствии в образе «грозного адмирала», порвал отношения с непокорным сыном.

Отдавшись литературной деятельности, Станюкович остро почувствовал, что ему не хватает знания народной жизни.

И вот бывший морской офицер становится народным учителем и отправляется в село Чаадаево, в Муромский уезд, в самую глубину России. Позднее Станюкович писал: «Адмиральский сын, только что оставивший морскую службу, сулившую ему блестящую карьеру, несмотря на совет великого князя... оставаться моряком, хлопочет... о назначении его сельским учителем.

Тогдашний министр Зеленый, хорошо знакомый с отцом, пришел... в недоумение, когда я обратился к нему с такой просьбой.

...На месте изумления было еще больше. Не меньшую сенсацию произвело мое появление и на окрестных помещиков. Ряд любопытных встреч и сцен. Комические доносы заштатного священника, отношение крестьян, местного священника, помещиков, уездных властей».

Итак, в далекую дореволюционную пору в Чаадаево приехал и скромно учительствовал Константин Михайлович Станюкович. В одном из журналов писатель опубликовал очерки о своей жизни в Чаадаеве под названием: «Из воспоминаний сельского учителя шестидесятых годов».

Грустную картину рисовал чаадаевский учитель. Вот что писал Станюкович со слов крестьян: «Наше се-

ло — очень бедное село. Земли мало. Заработки на стороне плохие. Ходим в город, на кожзаводы, по 15 верст в день, да зато там работа больно «люта», хлеб дорог. Словом, мне приходилось видеть самую крайнюю бедность и безрадостное существование...»

А вот как описывал учитель свое первое занятие в Чаадаеве: «Когда я пришел в училище (плохая комната со сломанными скамейками и столами), мальчики встали. Их было человек двенадцать. Они глядели на меня испуганными глазами. На шкафе лежали розги. Я их взял и выкинул за дверь. Кто-то фыркнул. Однако мое действие произвело некоторый эффект.

— Как тебя звать?—спросил я одного.

— Матвей Ко-ло-сов,—задрожал мальчик.

— Что, тебя били прежде?

— Хлы-ста-ми.

Я посмотрел, когда ушли дети, училищную библиотеку. Ни одной сколько-нибудь сносной книги».

Сельскому учителю чуть позже дети стали из жалости приносить — кто пару яиц, кто пару луковиц, а иногда кринку молока.

— Таким простым манером,—рассказывает Станюкович,—мне оказывали добрые ребятки внимание. Но приходилось испытывать немало и огорчений. «Только одно было плохо,—говорится в записках,—много хлопот было с отцами. Детей, желающих ходить в школу, было много, но не всегда бывало их пускали».

Когда учитель обратился к одному из крестьян с вопросом, почему он не пускает своего сына в школу, последовал ответ:

— Глупенек еще, родимый. Мал... Куда ему. Да и не во гнев тебе будет сказано, — батюшка баил, что ты по псалтырю не вучишь... Так какое же это ученье? И опять сказывают—ты без розги вучишь! А нешто без розги вучат?

Пореформенная деревня предстала перед Станюковичем во всей потрясающей нищете и противоречивости. Писателю приходилось постоянно наблюдать бытовые картины, ярко свидетельствующие о скудости тогдашней деревенской жизни.

«Спит большое село,—пишет Станюкович,—спит оно крепко, и даже во сне ему не снится ни более удобное жилье, ни более здоровая пища, ни тем более здоровые ребяташки».

Так было.

Сейчас дома в Чаадаеве — высокие, ладные, украшенные деревянной резьбой. В двух самых больших зданиях разместилась средняя школа. В ней занимаются около шестисот сорока учащихся, составляющих двадцать два класса. Коллектив учителей — тридцать человек.

Среди них есть люди с университетским образованием, опытные мастера педагогического дела.

Старая сельская учительница, прожившая тридцать лет в Чаадаеве, воочию видит, как преобразилось село, а главное — как изменились люди. С большим удовлетворением перечисляет учительница новшества, появившиеся в селе.

— Есть у нас электричество, радио, колхозный радиопункт, киностационар, клуб, две библиотеки — сельская и школьная. Есть у нас замечательный отряд сельской интеллигенции. А ведь когда я сюда приехала на работу, нас всего две учительницы было.

Радостную картину являет собой школьный сад. Дети пришли сюда, чтобы посадить деревья и кустарники. В местной школе установилась добрая традиция украшать классные комнаты в дни экзаменов цветами, выращенными в своем саду.

Если бы Станюкович мог видеть этих детей-крепких, весело занимающихся работой, сажающих деревья!

Культурный центр Чаадаева — сельский клуб. Сегодня в клубе собралось много народу. Довольный расхаживает по рядам старик-пасечник.

Гаснет свет в зрительном зале и сноп электрического света падает на экран. Демонстрируется кинофильм по мотивам Станюковича «В дальнем плавании». Плещут волны далекого моря, перед восхищенными зрителями проходят эпизоды героической жизни моряков, находящихся далеко от родной земли. С волнением смотрят картину потомки тех, кого учил Станюкович.

Над старым муромским селом сгущаются сумерки. Тепло и приветливо светятся окна домов...

ВЕТКА ЛАУРЫ

ИМА в Ишиме в 1835 году стояла на редкость снежная. По два—три дня бушевали метели, и на улицу нельзя было даже показать носа. Из-за обильных снегопадов почта, ходившая из Тобольска, часто опаздывала, и это усугубляло и без того острую тоску.

Бесконечные зимние вечера Александр Иванович Одоевский коротал за старым клавесином. Откуда взялся в сибирской глуши этот изрядно потрепанный музыкальный инструмент, содеянный еще в прошлом веке в Антверпене, никто в Ишиме не помнил. Александру Ивановичу удалось купить эту бесполезную для местных жителей игрушку за бесценок. Когда старый камердинер Иван Курицын — владимирский крестьянин, добровольно последовавший за опальным князем в Сибирь, — зажигал свечи и вновь пристроенная горница о четырех окнах со стороны казалась похожей на фонарь.

Александр Иванович садился за клавесин. По всему деревянному дому гулко неслись звуки музыкальных пьес, слышанных еще в детстве от ныне покойной матери. Он исполнял «Тетушку Аврору» Буальзе, «Лодочку» Крейцера, сонаты Штейбеля, в особенности полюбилось в последнее время рондо «Гроза».

Как смеялся бы петербургский кузен Вольдемар, если бы слышал эти детские упражнения! А, впрочем, кузен ныне снискал себе имя знатока философии и музыкального критика. Его принимают в лучших столичных домах и, конечно, там Владимир Федорович Одоевский произносит свои длиннохудощавые словесы. Бог с ним! Александр Иванович в душе с юных лет недолюбливал не в меру рассудительного двоюродного брата.

Говорят, что нет большей горести, как в дни несчастья вспомнить о счастливом прошлом. Но в Ишиме худшее было в одиночестве. Никогда Александр Иванович не чувствовал себя таким одиноким, как здесь. Детище: воспоминания поддерживали его моральное равновесие.

Лежа на кушетке под медвежьей полостью, Одоевский взывал к памяти, и картины милого детства возникали перед глазами. Кудрявые липы отражались в безмятежно ясных прудах усадьбы, что под старым городом Юрьев-Польским. Запах цветущих лип запомнился маленькому Саше, которого мать часто привозила из сырого и простудного Петербурга на деревенский воздух. Саша бродил по живописным окрестностям с французом-гувернером, читавшим вслух барчуку стихи, слышанные им еще в Клубе якобинцев в Париже. Однажды впечатлительный мальчик сказал: «Мосье Жан-Мари, я сочинил стихи в вашем вкусе. Я назвал их «Молитва русского крестьянина». Когда мальчик на чистейшем парижском диалекте прочел свои стихи, старый гувернер пролезился: «Это не молитва, это плач русского мужика»

над своей горькой долюшкой. Да, ты прав, мой юный республиканец, цари не слышат мольбы простых людей. Ведь у трона всегда так шумно!».

Вспоминался и далекий Петербург, пламенные речи Кондратия Рылеева, комический приступ гнева у кузнеца Вольдемара, когда в ответ на свои «великолепные стихи» он получил от Саши двухстрочный экспромт:

Народ, народ! Реви и плачь!
Мой братец на стихи палач.

Впрочем, это была только родственная шутка. Сердце Сашеньки Одоевского всегда отличалось добротой. Стоило проникнуть в его душу любому сильному чувству, как у этого высокого статного юноши щеки вспыхивали румянцем. Когда же он несколько прищуривал свои большие синие глаза, то выражение лица делалось необыкновенно приятным.

Друзьям-декабристам на всю жизнь запомнилось, как Александр Одоевский, узнав, что решено поднять восстание, восторженно обнимал Рылеева, повторяя несколько загадочную фразу:

— Умрем, ах, как славно умрем!

Бог весть, как он пережил одиночное заключение в Петропавловской крепости. Еще когда его связанного, обруганного и опозоренного во дворце везли в мрачный рavelин, что возвышается над Невой, мелькала дерзкая мысль: броситься с моста вниз головой, уйти под лед, разом кончить все мучения.

В камере было холодно и страшно. Несчастливым союзникам думалось, что Александр Одоевский сошел с ума: он громко пел по-французски, прыгал через скамью, что-то кричал. Когда у заключенного прошли приступы острого отчаяния, он начал сочинять стихи. Расхаживая по камере, Александр Иванович импровизировал вслух, удивляя тюремщиков. Члены судебного комитета

отмечали, что, по их мнению, государственный преступник Одоевский «повредился в уме».

Нравственное здоровье юного поэта полностью восстановилось лишь в Читинском остроге. Среди друзей по несчастью он вновь стал прежним «милым Сашей», каким его знали в Петербурге. Мягкий, скромный, ласковый, Александр Одоевский был всеобщим любимцем в тюрьме, поражая товарищей умением безо всякой видимой подготовки создавать стихи. Словно легендарный бард, он на глазах у слушателей рисовал яркие поэтические картины. С наслаждением внимали декабристы звучным поэмам, рассказывавшим о героическом прошлом родной страны. Вспоминая храмы Юрьев-Польского, Одоевский пел о новгородской вольнице, о бранных днях Смоленска и Пскова, о трубных звуках, зовущих в бой... Когда Одоевского спрашивали, почему он до ссылки не отдавал свои стихи в петербургские журналы, то он обычно отвечал.

— Презираю печатное бытие. Получать деньги за стихи, позорно! Вещий Баян воодушевлял дружину на бой... Поэт—вождь, бог, пророк. Печататься в петербургских журналах? Там же, где помещает свои вирши граф Хвостов? Никогда! Поэзию ставлю превыше всего на свете.

Друзей искренне огорчало, когда они видели, что Одоевский даже не записывал своих стихов. Они втихомолку от поэта заносили в бумаги все, что удавалось запомнить от вдохновенной импровизации потомка древних Рюриков, спавшего ныне на нарах в Читинском остроге.

Уже спустя много десятилетий декабристы вспоминали, как заслушивались они чтением Одоевского, искренностью и звучностью его стихов. Самый образ девятнадцатилетнего декабриста им казался почти легендарным видением.

...Отрадными днями в Ишиме были те, когда приходила оказия. Каждая почта непременно приносила большие конверты с пометкой: «От князя Ивана Сергеевича Одоевского. Владимирской губернии город Юрьев-Польский. Село Николаевское». Это были письма от отца. Князь слал нежные поклоны и поцелуи в лоб от маленьких братьев и сестер, тревожно спрашивал о состоянии здоровья бедного Саши, сообщал, как идут хлопоты о переводе на Кавказ и, что самое главное, — перечислил посланные в Ишим книги. Какие только книги ни шли в адрес Одоевского! Тут были и последние французские романы, и смирдинский альманах «Новоселье», «Библиотека для чтения» с забавными фельетонами барона Брамбеуса, «Последний новик» Лажечникова, философские произведения Монтескье и «Воспоминания» Ламартина...

В письмах непременно следовали указы, самые строжайшие, от старого князя дядьке Курицыну: строго следить за здоровьем слабого Сашеньки и печься о том, чтобы барчук ни в чем не испытывал нужды. Александр Иванович лишь весело смеялся.

— Иван, — говорил Одоевский, — тебе старый князь кланяется и вся деревня шлет поклоны.

На это Курицын отвечал совсем, как бывало в Петербурге, в роскошно обставленной гостиной:

— Дай бог здоровья его сиятельству, милостливому государю, князю Ивану Сергеевичу!

Разница была лишь в том, что после этих слов в Петербурге Курицын величественно удалялся, а здесь он садился на кушетку, жалостливо подпирал подбородок кулаком и вслух начинал думать:

— А теперь в Николаевском благодать. Мужики пешнями лед рубят, коровы, поди, начали телиться.

От этих слов веяло такой дремучей мужицкой тоской, что Александр Иванович был готов разрыдаться.

С трудом сдерживая слезы, Одоевский сажился за старый клавесин и брал первые аккорды «Тетушки Авроры» Курицын же шептал:

— Ох, лихо мое смертное...

Но однажды произошло совершенно необычное. Вбежал в комнату запыхавшийся Курицын, стряхнул с шапки снег и закричал:

— Батюшки, Александр Иванович, новинка-то какая...

— Что стряслось? — перепугался Одоевский.

— Посельщика привезли.

— Кого?

— Не запомнил фамилию. Поляка какого-то. За крாமолу к нам отправили. Вид у него страсть какой гордый.

Через несколько минут новый «посельщик» сидел уже в «фонаре» Одоевского. Это был еще сравнительно молодой человек, с тонкими и приятными чертами лица. Он плохо говорил по-русски и очень обрадовался, когда беседа потекла по-французски, который оба собеседника знали в совершенстве.

Ссылный поляк оказался Адольфом Михайловичем Янушкевичем. Он был всего на год моложе Одоевского, и в их судьбе оказалось очень много общего. С детства увлекаясь живописью и поэзией, он на долгое время оставил родную Варшаву, совершив поездку во Францию и Италию. Вернулся на родину Янушкевич уже преисполненным вольнолюбивых идей. Он, не стесняясь, говорил вслух:

— Царь — вот кто враг и русских, и поляков.

Он вступил в польское Патриотическое общество и вскоре, будучи арестованным по доносу, последовал в Сибирь, туда, где уже жили декабристы.

Теперь время в Ишиме потекло заметно быстрее и веселее. Поселившись вместе, целыми часами друзья

беседовали, рассказывали друг другу о своей жизни, спорили о литературе, музыке и живописи, о новых книгах, вспоминали любимые женские образы. Но чаще всего все-таки говорили «о ней», пили вино, поднимая тост за «нее». Так именовали ссыльные свободу, помыслы о которой привели их в суровый дикий край. Садясь за стол, Александр Иванович говорил:

— Меня любовь томила двадцать лет,
Но я был бодр в огне и весел в боли...

— Пойдите,— кричал Янушкевич, — откуда эти стихи?

— Из Петрарки. Не так ли и мы верим своей возлюбленной, как великий итальянец своей Лауре?

— В таком случае, я вас обрадую, дорогой друг. У меня есть нечто такое, что...

Янушкевич кинулся к своему чемодану, стал быстро выбрасывать вещи и на самом дне обнаружил толстую книгу. Он открыл массивный переплет, перелистал страницы и достал ветку дуба с двумя ответвлениями и крупным желудем.

— Полюбуйтесь, маэстро, — сказал Янушкевич, подавая ветвь Одоевскому.

— Что это такое?

— Во время моих блужданий по югу Франции я побывал в Авиньоне. Там над могилой Лауры, где так безутешно рыдал Петрарка, вспоминая умершую возлюбленную, вырос дуб. Это ветка с дуба над могилой Лауры.

— Боже мой! — воскликнул Александр Иванович, — кто б мог подумать, что в Сибири можно встретить ветвь авиньонского дуба Лауры!

— Мы будем также верить ей,—сказал Янушкевич,—как Петрарка Лауре. Поэт Италии через всю жизнь пронес нежный любимый образ.

Поляк разломил ветвь дуба пополам и подал ветку с желудем Одоевскому:

— На вечную память, друг. Нас связывают одни узы. За вечное братство славян! За свободу!

Друзья обнялись и расцеловались.

Александр Иванович начал расхаживать по комнате. Потом спросил:

— Воклюзский ключ, в водах которого Петрарка увидел отражение Лауры, ты тоже посетил?

— Я пил из его струй.

Александр Иванович побледнел, сыграл несколько аккордов на клавесине, вновь прошелся по комнате и сказал:

— Слушай:

Зазвучали пламенные и нежные стихи:

В странах, где сочны лозы виноградные,
Где воздух, солнце, сень лесов
Дарят живые чувства и отрадные,
И в девах дышит жизнь цветов.
Ты был! — пронес пылливый посох странника
Туда, где бьет Воклюзский ключ...
Где ж встретил я тебя, теперь изгнанника?
В степях, в краю снегов и туч!

Лицо Одоевского было бледным, он трепетал словно в лихорадке, расхаживал по комнате, гордо подымая голову. Его руки были крестом сложены на груди и слова, словно чудом, срывались с уст:

И что осталось в память солнца южного?
Одну лишь ветку ты хранил
С могилы Лауры: полный чувства дружного
И ту со мною разделил!
Так будем же печальми заветными
Делиться здесь, в отчизне вьюг,
И крыльями, для мира незаметными,
Перелетать на чудный юг,

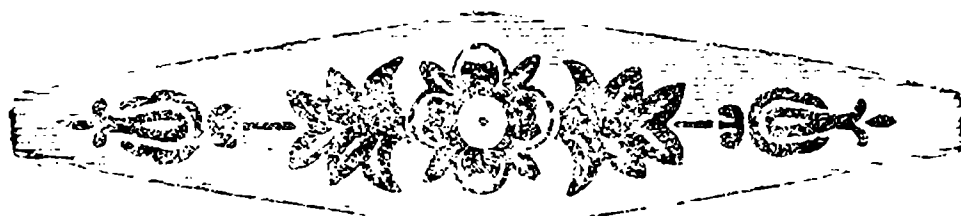
Туда, где дол цветет весною яркою
Под шёпот авиньонских струй
И мысль твоя с Лаурой и Петраркою
Слилась как нежный поцелуй.

За окном бесновалась пурга. Курицын возился на кухне, гремя посудой. Янушкевич сидел растроганный, вспоминая далекую страну. По щекам Александра Одоевского катились слезы. Он говорил:

— Милый Янушкевич, мы всегда будем верны *ей!*

...Прошло немного времени. Новые странствия и беды выпали на долю Янушкевича. Александр Иванович Одоевский, посланный на Кавказ, в солдатской шинели, под пули горцев, был сведен в могилу тропической лихорадкой. Вслед за ним умер и отец, старый князь, не перенес гибели любимого сына. Верный Курицын посадил желудь с ветки Лауры на могиле своего «батюшки Александра Ивановича». Дуб хорошо принялся.

Поньше на берегу Черного моря, недалеко от Туапсе, возвышается ширококронный дуб. Он слушает немолчный шум Черного моря и склоняет свои ветви над могилой изгнанника. Но могила его не забыта: люди, приходя сюда, вспоминают вещие слова поэта об искре, из которой разгорелось пламя.

ПУТЕШЕСТВИЕ КРИТИКИ

ПРОШЛОМ веке, в тринадцатом году, по владимирским местам путешествовал князь и сочинитель Иван Михайлович Долгорукий. У него были хозяйственные заботы, но не последнюю роль здесь играла и охота странствовать. Недаром Иван Михайлович так об этом поведал миру:

О дух проклятый любопытства,
Совсем замыкал ты меня!
Едва от жен и волокитства
Под старость излечился я,
Как вдруг пристала страсть другая,
Неугомонная, лихая—
Иногородних стран смотреть:
Минуты дома не сидится,
Рассудок болен и крушится
В желаньях мир весь обозреть.

Что же увидел именитый странник, путешествуя по центральной России?

· Есть под городом Юрьев-Польским селение Флорищи. Тут произошел памятный эпизод. Вот что рассказывает Долгорукий в «Журнале путешествий из Москвы в Нижний»: «Мужик, у которого остановилась моя передовая повозка, увидев меня, пал в ноги, припомнив, что я когда-то сына его пощадил при рекрутской отдаче. Благословлял меня беспрестанно. Душа моя уступила первым движениям своим, и я заплакал. Но дошло дело до фуража. «Почем овес, сено?» — «Батюшка! Лишнего не возьму». — «Хорошо! Однако, что стоит?». Цена объявлена дороже многих других хозяев в той же деревне. «Как же, друг мой, тебе не стыдно, хваля меня, так много брать дороже прочих?» — «Воля твоя, барин, меньше нельзя!» — «Хорошо! Так не прогневайся: я переберусь туда, где дешевле», и перенес мой обед к другому крестьянину. Я охотник до гречневой каши. Повар мой ее тут и приготовил, но мужик рассердясь, что не у него взял овес и сено, не дал и каши, а на новом дворе уже ее готовить было некогда, и так я лучшего своего кушанья лишился. Ах! Как жаль мне было моей чувствительности и слез! Вот что делает корысть! Надежда взять с меня рублей 20 за фураж сделала меня благодетелем, отцом; повернулся ветер не туда, и мужик мне отказал в горшке каши: и после этого (а подобных случаев много) можно ли полагать признательное сердце в трупе нашего крестьянина?»

«На пути, ехавши мимо погоста, — пишет в том же путевом дневнике Долгорукий, — где похоронен первый муж жены моей и любимая дочь ее, я остановился и вышел на гроб их. Сельский священник отправил литию, вечная память раздала свои отголоски в моем сердце, слезы брызнули. И нам со временем отдадут тот же долг наши потомки».

Комментарии к этим словам излишни. Перед нами сочинение эпигона Карамзина, описывающего свои

ПУТЕШЕСТВІЕ КРИТИКИ

ИЛИ

ПИСЬМА ОДНОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА,
ОПИСЫВАЮЩАГО ДРУГУ СВОЕМУ РАЗ-
НЫЕ ПОРОКИ, КОТОРЫХЪ БОЛЬШЕЮ
ЧАСТІЮ САМЪ БЫЛЪ ОЧЕВИДНЫМЪ СВИ-
ДТЕЛЕМЪ.

Сочиненіе С. фонъ Ф.

Quid rīdes? mutato nomine fabula de te nar-
ratur. Повѣст.

МОСКВА.

Въ Типографіи С. Селивановскаго.
1818.

«чувствительные путешествия» в духе казенно-дворянской идилии.

Сентиментальные путешественники не интересовались народом. Их внимание привлекали, прежде всего, небо и травка, поющие птички и шумящие ручейки и, главным образом, сам друг.

Но мы знаем, что в русской литературе были описания путешествий и совершенно иного рода. В лучших радищевских традициях написана книга «Путешествие критики», автор которой скрылся под псевдонимом С. фон Ф. Каждая страница этой книги дышит ненавистью к деспотизму и крепостничеству, проникнута горячей любовью к простым русским людям.

Книга «Путешествие критики» вышла в свет в 1818 году в типографии ученика владимирского издателя Матвея Пономарева — С. И. Селивановского. Небезынтересно отметить, что в дальнейшем Селивановский был тесно связан с декабристами. Книга С. фон Ф. быстро стала библиографической редкостью и даже в специальных справочниках о ней не говорилось ни слова.

Казалось, о книге забыли. Правда, в 1914 году В. Евгеньев в своей работе «Писатели — борцы с крепостной неволей» упомянул «Путешествия критики», но интереса специалистов это не привлекло.

Прошло много лет. В 1951 году Московским университетом «Путешествия критики» было переиздано. Книга вышла очень изящно оформленной и сравнительно большим тиражом. Литературоведы отмечали, что извлеченное из тьмы забвения произведение содержит весьма ярко выраженный элемент демократической культуры начала XIX века. В «Вестнике Московского университета» писалось: «Приходится пожалеть, что неизвестный автор «Путешествия критики», скрывавшийся под псевдонимом С. фон Ф., остался нераскрытым и поныне».

И вот в наши дни, благодаря случайным находкам, таинственный псевдоним раскрыт. Автором «Путешествия критики» оказался владимирский учитель Савелий Карлович фон Ферельтц. Обнаружен протокол заседания Совета Московского университета, в котором есть запись «О припечатании в «Московских ведомостях» касательно пожертвований, учиненных учителем владимирской гимназии фон Ферельтцем в пользу оной один экземпляр изданной Ландкарты или плана географии....» Почти одновременно в Ленинграде в историческом архиве обнаружили среди дел Московского цензурного комитета любопытные памятки. В графе «Название рукописи» стояло: «Путешествия критики», в графе «Автор»: «Сав. фон Ферельтц — учитель».

Но неужели в обширной владимирской краеведческой литературе нет ни слова об авторе столь замечательного произведения? Неужели владимирский последователь Радищева не оставил никакого следа во Владимире?

К счастью, во владимирских источниках оказались важные подробности. В свое время был выпущен «Исторический очерк Владимирской губернской гимназии». В нем рассказывалось о наиболее примечательных событиях в жизни провинциального учебного заведения, о преподавателях и наиболее выдающихся его воспитанниках. Здесь мы встречаем и досадно краткую справку о Ферельтце. Этот документ и некоторые другие данные позволили нам составить представление о судьбе забытого писателя.

Савелий Карлович Ферельтц был выходцем из Баварии. Родился он около 1763 года в Аусбурге. Еще в детстве мальчика привезли в Россию. Русский язык стал для него родным. Можно не сомневаться, что Савелий Карлович, как и большинство передовых людей своего времени, с увлечением читал русские сатирические журналы, следил за острой полемикой по различным вопро-

сам общественной мысли. Во всяком случае, мы можем смело утверждать, что Ферельтц был учеником великих русских просветителей Радищева, Новикова, Фонвизина.

Вынужденный зарабатывать на жизнь, Савелий Карлович в 1804 году приехал во Владимир. Здесь он определился учителем немецкого языка во Владимирское главное училище, преобразованное позднее в губернскую гимназию.

Савелий Карлович написал пьесу «Изобличенная невинность», разрешенную к печати и постановке. Но пока ее не удастся найти. В 1810 году Ферельтц получил разрешение на издание своей книги «Путешествия критики», написанной во Владимире. Но она почему-то не появилась в свет. Возможно, что автор — бедный владимирский учитель — сам страшился за судьбу книги: пример Радищева был свеж в памяти.

Разразилась война 1812 года. В первом номере журнала «Сын Отечества» была напечатана солдатская песня Ивана Кованько, оказавшаяся пророческой:

Хоть Москва в руках французов,
Это, право, не беда,
Наш фельдмаршал, князь Кутузов,
На смерть их пустил туда.

В русской литературе и журналистике после великой победы над Наполеоном явственно раздались смелые голоса будущих декабристов, ненавидящих цепи крепостничества. Книга Ферельтца вышла в 1818 году под длинным, несколько витиеватым названием: «Путешествия критики или Письма одного путешественника, описывающего другу своему разные пороки, в которых большею частью сам был очевидным свидетелем».

Совершенно безвестный владимирский учитель выступил принципиальным врагом карамзинистов и их слащавых «чувствительных путешествий», вроде процитиро-

ванного выше сентиментального сочинения Ивана Михайловича Долгорукова. Если князь умиляется розовым цветочкам и прекрасным птичкам, то Ферельтц открыто полемизирует с таким взглядом на окружающее. Он пишет: «Не везде миртовые аллеи; не везде резвые ручейки с нежным журчанием пробегают по камешкам; не везде слышно сладкогласное пение соловья. Есть места дикие, каменистые, песчаные, безводные, где ничего не слышно, кроме отвратительного карканья галок и ворон».

В «Путешествии критики» мы часто встречаем литературные образы, взятые из революционной публицистики. Владимирский учитель не называет селений, по которым он проезжал. Да это и неважно для читателя, ибо в форме писем, связанных единством идейного замысла, предстает поездка за правдой, за неприукрашенной действительностью.

«Любезный друг! — восклицает автор. — Судьба как бы нарочно водит меня в путешествии моем большею частью по таким местам, где вижу я одно развращение человеческое, высказывающееся в различных видах. Там видел и двух жестокосердечных владельцев, мучающих крестьян своих страшными налогами...».

Седой старец, описываемый в книге, на вопрос, почему деревня страшится помещика, отвечал:

— Да, так-то батюшка! Страшен, что как задумаешь про него, так волосы дыбом становятся. Десять лет как мы ему достались в руки, десять лет он гнет нас страшными налогами, десять лет сосет кровь нашу. Работаем день и ночь — и все на него. Он же последний кусок от рта отнимает у нас.

Путешественник встречает крестьян, закованных в железо: помещик Н. — кутила и картежник — продал их на фабрику.

С любовью рисуя образы простых людей, автор не жалеет сатирических красок для изображения крепост-

ников, из-за которых народ терпит невыносимые страдания: непосильные поборы, рекрутчину, браки по барской прихоти.

Страшным обвинением крепостничеству звучит крестьянская речь, записанная в дневнике. Вот доподлинные слова деревенского старика:

— Жена недавно померла с печали. Да, вечная ей память! Теперь умирать же бы... А и похоронить-то нечем. Я остаюсь без всякого призрения — с одной нищетой, бессилием и тоскою. Не только что работать, и по миру-то ходить мочи нет. Ах! Если бы господь услышал бы молитву мою да прибрал меня поскорее!

Перед нами целая галерея помещиков. Мы видим истязателей и насильников, мошенников, шулеров и сплетников.

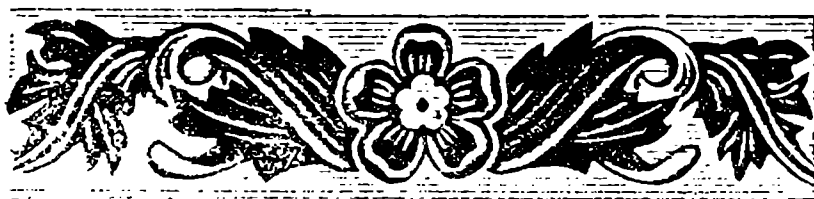
Чего стоит образ владельца 700 душ крепостных, который в скупости дошел до того, что «с себя самого за каждый обед и ужин берет по известному количеству денег... Кладет их в особенный сундук и по прошествии года, сверив приход с расходом, полученный барыш берет себе в заем по пятнадцати процентов». Когда скупец угостил путешественника бражкой, автор заметил: «Взяв стакан, я прихлебнул, поморщился и принужден был сказать, что я совсем не пью пива. «Этот стакан вылить на бешеную собаку, и та облезет», — сказал я сам себе».

Читая «Путешествия критики», невольно вспоминается Гоголь и образы «Мертвых душ»: Плюшкин, Коробочка, Собакевич...

Обращаясь к лучшим людям России, автор «Путешествия критики» призывает их с ненавистью разоблачать помещиков-крепостников, стать на защиту крестьян: «Как приятно слушать прямого сына России, когда он с твердым, решительным русским духом, без лести и прикрас говорит русскую правду!»

Трудно назвать в литературе XIX века другие путевые записки, которые по пафосу обличения крепостничества так близко стояли бы с радищевским «Путешествием из Петербурга в Москву».

Читая записки владимирского учителя, думаешь о том, что горькое обличение, прозвучавшее со страниц «Путешествия критики», и было настоящей русской правдою.

НЕМЕРКНУЩИЕ ФРЕСКИ

ЛЕСКОВСКОМ «За-
печатленном ангеле»

есть место, где герой спорит с англичанином о древнерусской живописи. Речь шла о том, как восстановить испорченную икону. В ответ на сетования, что трудно найти настоящих реставраторов, англичанин возразил:

— Пустяки, я сам художника из города привезу; он не только копии, а и портреты великолепно пишет.

— Нет-с, — отвечаем, — вы этого не изволите делать... живописец такого дела исполнить не может.

Выслушав рассказ о тонкостях древнерусской живописной «плавии», умевшей передать особый тип лица, англичанин спросил:

— А где же есть такие мастера, что еще этот особенный тип понимают?

— Очень, — докладываю, — они нынче редки (да и в то время они совсем жили под строгим сокрытием).

Есть, — говорю, — в слободе Мстере один мастер Хохлов, да уж он человек древних лет, его в дальний путь везти нельзя...

И в наши дни художники-реставраторы древнерусских произведений — люди редкой специальности. Даже во владимирской Мстере трудно найти художника тонкой кисти, умеющего вернуть ко второй жизни казалось бы навсегда утраченный шедевр.

Столетиями горели в храмах свечи, к сводам поднимался дымок от кадил; фрески и иконы тускнели и портились от неумолимого времени, от холода, копоти и сырости. Нередко изумительные произведения живописи попадали в руки невежественных богомазов. Из их рук выходили грубо размалеванные деревяшки, о которых в народе еще в старое время было сложено меткое выражение: «не годится молиться, годится горшки покрывать».

Не перевелись и ныне замечательные открыватели древних сокровищ. Шесть пленок-наслоений сняли реставраторы прежде чем во всей первозданной прелести предстала перед ними картина-икона, изображающая Дмитрия Солунского — покровителя воинов. Когда работа была закончена, то ученые-искусствоведы единодушно высказались, что перед ними шедевр мирового искусства. Дальнейшие исследования показали, что «Дмитрий Солунский» — работа безвестного народного художника владими́ро-суздальской школы живописи XII века. Из глубины веков доходят до нас удивительные произведения, созданные гением народа.

...Этот музей не отличается ни великолепием здания, ни пышностью внешнего убранства. Расположенный в одном из белокаменных помещений, бывшего Андронникова монастыря возле реки Яузы в Москве, музей имени Андрея Рублева привлекает внимание художников, искусствоведов, декораторов, историков,

студенчества. Здесь частыми гостями являются туристы из Польши, Франции, Англии и других стран.

Что можно увидеть в этом, скромном по внешнему виду, здании?

На территории монастыря, объявленной ныне заповедником, жил и работал, умер и погребен гениальный древнерусский живописец Андрей Рублев. Замечательный художник-мыслитель, выйдя за пределы церковной догматики, создавал образцы, исполненные глубоко благородства и красоты. Рублевские произведения овеяны тонкой поэзией; они изумляют гармонией нежных красок и линий. Произведения Рублева по праву считаются шедеврами мировой живописи. Один из современных исследователей творчества художника отмечает, что ни в одной стране Европы того времени, даже в Италии, не чувствовали так проникновенно принципы эллинской композиции, как их почувствовал и воплотил в своих произведениях Рублев.

В портретах художник показал типические черты русских людей, их благородство, тонко опоэтизировал одухотворенность и красоту человека, нравственные идеалы своего времени. Все знатоки древнерусского искусства говорят о том, как необычайно сложны живописные приемы, при помощи которых Рублев достигал своей издревле знаменитой «плавности»: мягкости и неуловимости переходов, богатства и полнозвучности цвета, выразительности рисунка.

Самое знаменитое произведение Рублева — «Троица», оригинал которого находится в Государственной Третьяковской галерее. Большое количество работ Рублева, его содругов можно увидеть в Московском Кремле, а также в Успенском соборе города Владимира.

Кому приходилось бывать во Владимире, тот надолго запомнит отлогие холмы над Клязьмой, сплошь

заросшие вишневыми садами. Весной они покрываются нежным белым цветом, и весь город кажется окутанным дымкой. Удивительно хорош в эти дни Владимир, который часто по праву называют городом-музеем древнерусского зодчества. Редко где можно встретить такое причудливое сочетание старых архитектурных ансамблей с новыми: Княгинин монастырь и Тракторный завод, Золотые ворота и стометровая вышка радиомагистрали, Успенский собор и корпуса предприятия новейших автомобильных приборов.

Отлично сохранившиеся памятники народного зодчества — гордость и слава древнего города — постоянно привлекают во Владимир экскурсантов из самых различных уголков Советского Союза. Знакомство с архитектурными памятниками Владимира полезно и увлекательно.

На высоком холме над Клязьмой возвышается Успенский собор — величественный образец древнерусского зодчества. За десятки километров до Владимира виден этот собор со стороны заклязьминской поймы. Великий русский писатель-революционер А. И. Герцен оставил восторженное описание живописной местности, открывающейся с холма, на котором построен Успенский собор.

Собор был заложен во времена Андрея Боголюбского и считался среди современников удивительным сооружением, не имеющим себе равного в мире. Летописцы рассказывают, что стены снаружи были обложены мрамором, а внутри убраны чистым кованным золотом; главы и кровля сверх медных листов обиты были листами из кованого серебра, а резьба по нему вызолочена.

Чудесный памятник сильно пострадал во время нашествия полчищ Батыя, когда кочевники обложили вход в храм хворостом и дровами, подожгли их, задушили дымом и огнем жителей Владимира, укрывавшихся за

стенами собора. На одной из гробниц имеется надпись об этом событии: «...множество бояр и людей от великого зноя и огня затхошася и сгореше».

Впоследствии храм был восстановлен, а стены в нем расписывал гениальный Андрей Рублев. В настоящее время фрески Андрея Рублева реставрированы, и за ними установлено специальное научное наблюдение. С помощью особого состава рублевские фрески закреплены на стенах, в соборе устроено калориферное отопление. С тем, чтобы не подвергать фрески порче от температурных колебаний воздуха.

Музей имени Андрея Рублева проделал значительную работу, создав обширную экспозицию из художественных фоторепродукций с произведений древнерусских мастеров. Проходя по залам, последовательно знакомишься с творчеством художников Киева, Новгорода, Владимира, Суздаля и, наконец, московской школы живописи, с искусством, предшествовавшим Рублеву, и понимаешь, что взял Рублев у старых мастеров и в чем заключалось его новаторство.

В последние годы коллекции музея постепенно обогащаются подлинными произведениями станковой живописи. В частности, в музей привезено много подлинников из Владимира, Суздаля и Волоколамска. Художники-реставраторы месяцами сидят над старинными картинами, чтобы укрепить краски, предотвратить разрушения, вернуть картинам их первоначальный облик. Иногда реставраторы делают настоящие чудеса. Недавно в музей привезли из Волоколамска огромное по размерам, совершенно затемненное произведение древнерусского искусства, похожее больше на обычную черную доску. За много дней работы реставратору удалось расчистить лишь небольшую часть. На расчищенной поверхности открылась целая гамма ярких красок — синих, васильковых, золотистых.

Наше внимание привлекает, разумеется, владимирский отдел музея. Здесь есть чем полюбоваться! Наверное, каждый из владимирцев бывал в Дмитриевском соборе и знает, что фрески на сводах стали едва заметны, разглядеть их в настоящее время не так легко. В музее путем фотоусиления фресок добились замечательных результатов воспроизведения. На художественных фоторепродукциях в музее имени Рублева мы видим образы многовековой давности почти такими, какими их видели наши предки владимирцы.

За два века до Андрея Рублева неизвестные мастера создали на сводах Дмитриевского собора композицию «Страшный суд». Рублев был восхищен этой композицией и, работая спустя два века в Успенском соборе, перенес ее туда. Но какая огромная разница в подходе к одной и той же теме! Рублев в своей росписи почти не показывает мучений. Образцы, созданные художником, озарены мягким светом, в них ощущается красота русского человека его времени.

Замечательными реставраторами произведений древнерусского искусства, энтузиастами этого дела являются братья Николай и Анатолий Гусевы. Однажды их пригласил к себе директор московского музея имени Рублева и рассказал о том, что многие посетители хотели бы видеть копии рублевских фресок из владимирского Успенского собора. Молодые художники задумались: ведь копировать Рублева очень трудно.

Через несколько дней они приехали во Владимир и долго рассматривали под величественными сводами Успенского собора многофигурную рублевскую композицию. Самое удивительное было то, что краски на фресках сияли первозданной свежестью. Образы словно просвечивались изнутри, казались прозрачными, в каждой краске — десятки и более полутонов. Художники поняли, что нельзя копировать древнего живописца обычными

красками. Трудность состояла в том, чтобы определить, какими красками пользовался в свое время Андрей Рублев.

Из монастырских книг известно, что в древней Руси живописцы часто пользовались земляными красками. Отсюда не трудно было предположить, что Рублев и его содрузи сами приготавливали краски из местных материалов.

Собор стоит на высоком холме над Клязьмой. Ныне возле реки проходит железнодорожное полотно. На насыпи немало серых камней и цветной глины. Гусевы собрали камни, куски глины и особым способом растерли их на мраморной доске.

Однажды на берегу Клязьмы прохожие наблюдали необычную сцену. Молодые люди мяли руками глину, показывали друг другу и радостно смеялись, словно нашли нечто невероятно ценное. А порадоваться было чему! Художникам удалось составить палитру, ничем не отличающуюся от рублевской. Краски несли множество разнообразных оттенков.

Около трех месяцев непрерывно трудились художники. Когда они представили свою работу в музей, то специалисты очень высоко оценили ее. Кто-то сравнил художников с лесковскими мастерами-умельцами!

Глядя на работу, привезенную из Владимира, посетители вспоминают интересный отзыв о творчестве Рублева, данный старейшим знатоком древней живописи академиком И. Э. Грабарем. Он писал в одной из статей: «Рублев вышел, вне всякого сомнения, из Московской области, культура которой, выросшая из Суздальской, была ее прямым продолжением. Отсюда черты чрезвычайной близости творчества Рублева с искусством Владимиро-Суздальской земли, столь несходным с искусством Новгорода. В противовес новгородскому — энергичному, могучему, «мужицкому», — оно тяготеет к изяществу форм и линий, оно женственнее и аристократичнее.

Новгородский иконник пишет яркими, но не всегда колористически согласованными красками; яркие краски Рублева всегда приведены в тонкую гармонию, они не только голосят, но и поют».

Во владимирском отделе музея широко представлена литература, свидетельствующая о все возрастающем интересе к истории нашего отечественного искусства, как со стороны русских, так и со стороны зарубежных ученых. Одна из польских газет напечатала недавно целую страницу, посвященную Андрею Рублеву. В газете опубликована репродукция рублевской картины, статья о творчестве художника. В этой статье горячо приветствуется идея организации музея А. Рублева. В Варшаве издана обстоятельная монография «Русские иконы». В английской юношеской энциклопедии, посвященной искусству всех времен и народов, изданной в 1954 году, имеется статья и о русском искусстве. Чтобы понять, как высоко ценят в Англии творчество Андрея Рублева, можно привести такой факт: из восьми красочных репродукций, отведенных в этом томе искусству всего мира, одна воспроизводит знаменитую «Троицу».

Интерес к музею огромен. Студенты Московского университета читают рефераты в кругу своих преподавателей и однокурсников, иллюстрируя свои мысли выставленными в музее произведениями. Студенты художественного института им. Сурикова слушают лекции своих профессоров в стенах музея, приходят сюда для того, чтобы воочию увидеть всю прелесть, глубокое мастерство выдающихся мастеров. Московские художники, работающие над историческими темами, являются завсегдатаями музея.

Выдающаяся немецкая писательница, неутомимый борец за мир Анна Зегерс записала в книге отзывов: «Этот музей и художник Андрей Рублев принадлежит культурному достоянию мирового значения». Из-

вестный мексиканский художник Диего Ревьера оставил такую запись: «Я испытываю восхищение и уважение к древнему искусству страны Андрея Рублева».

Нельзя не вспомнить такой эпизод: в музее турист из Франции долго смотрел на каменные слепки масок, украшающие владимирские соборы. Потом сказал:

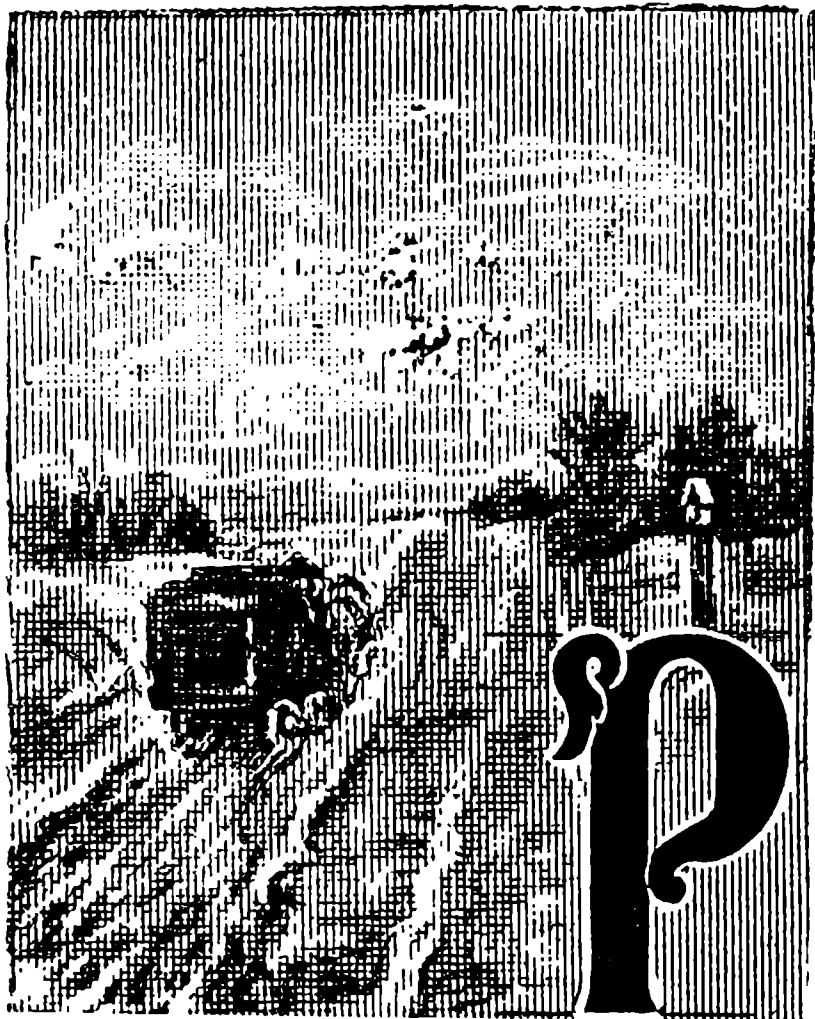
— Искусство роднит народы. Глядя на эти маски, невольно вспоминаешь Собор Парижской богородицы.

Знакомясь с работами живописцев далекого прошлого, начинаешь глубже понимать родное искусство, а следовательно, еще больше любить свою страну.

*Что вслед Радищеву вос-
славил я свободу.*

А. С. Пушкин.

ВСЛЕД РАДИЩЕВУ

РАДИЩЕВУ довелось много ездить по России. Он мог с полным основанием сказать, что знает родную страну. Его детство прошло в имении Верхнее Аблязово Саратовского наместничества. Сюда он приезжал и зимой 1774—1775 годов. Юный Радищев учился в Москве, Петербурге, а затем в Лейпциге. Особенно много пришлось Радищеву исколесить дорог в период работы в Коммерц-коллегии под руководством А. Р. Воронцова. Радищев объездил всю Прибалтику, бывал в центральных губерниях, на Севере, в Архангельске. Много доводилось Радищеву гостить во владимирских местах, у своих сородичей — здешних дворян.

Конечно, в основу «Путешествия из Петербурга в Москву» писатель положил впечатления от поездки по тракту от Санкт-Петербурга до белокаменной столицы. Недаром писатель, подчеркивая документальный характер книги, дал главам произведения названия почто-

вых станций и селений. Но не может быть сомнения и в том, что в «Путешествии» Радищев отразил все свое глубокое знание России.

Не сохранилось ли каких-либо следов пребывания Радищева на владимирской земле?

Кому приходилось бывать во Владимирском краеведческом музее, тот видел старинный портрет, выставленный в одном из залов исторического отдела. Перед портретом невольно останавливаются посетители. На домотканном холсте маслом изображен еще не старый, но уже убеленный сединами человек.

При первом взгляде на портрет обращаешь внимание на прекрасные темные глаза, на их задумчивое и печальное выражение. Увидев раз, надолго запомнишь и упрямо сжатый рот, и высокий открытый лоб, на котором запечатлено раздумье, и мученически обострившееся лицо человека, много видевшего и пережившего. Во всем облике чувствуется сила, негибемое мужество. Под портретом надпись: «Александр Николаевич Радищев. Работа неизвестного художника XVIII века». Изображение великого писателя, революционера и философа уже несколько десятилетий находилось в стенах Владимирского музея.

До наших дней дошло очень немного изображений Радищева. Известно, что долгое время имя писателя было под запретом, что длительный период хранения его замечательной книги «Путешествие из Петербурга в Москву» был связан с опасностью. Это, надо думать, и объясняет тот факт, что радищевская иконография, дошедшая до нас, небогата.

Какова история владимирского портрета Радищева? Как имя художника, написавшего прекрасное изображение замечательного писателя-революционера? Кто сумел с таким большим мастерством передать одухотворенный облик петербургского изгнанника?

— Ты хочешь знать, кто я? — спрашивал Радищев в одном из своих стихотворений, написанном по дороге в ссылку в далекую Сибирь:

Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Просматривая многочисленные дореволюционные работы владимирских краеведов, тщетно вы будете искать упоминание имени свободолюбивого писателя в связи с местным краем. В пухлых изданиях можно найти самые различные сведения — о посещениях владимирской земли августейшими особами, о явлениях «чудотворных» икон, о ценах на сало, пеньку и водку... Но ни в одной из работ, посвященных местному краю, вы не встретите имени Радищева.

А, между тем, писатель не только неоднократно бывал в здешних местах, вел переписку с деятелями местного края, но и упоминал о Владимире и других городах губернии в своих произведениях. Не прольет ли свет на историю портрета выяснение связей Радищева с владимирским краем?

Обратимся к сочинениям Радищева. В его «Дневнике путешествия из Сибири» содержится огромный и ценнейший для нас материал. Возвращаясь из ссылки, Радищев с протокольной точностью записывал самые различные путевые детали.

В сибирскую ссылку, в Илимск, Радищев ехал свыше пятнадцати месяцев. Обратный путь занял у него лишь шесть месяцев. Даже малейшие задержки в пути ему казались невыносимыми — так спешил Радищев возвратиться на родину.

7 июля 1797 года Радищев прибыл в Муром. В этот день он записал в своем дневнике: «От Монаково до Мурома 31 верста, до Монаково еще дорога спускается с высоты, берег волжский и окинский составляющей.

Почва глиниста. Спустясь, лес по местам с пашнею попеременно, и селения везде частые. Река Теша и, наконец, луг, где разливается Ока, которую переезжают под городом. Муром стоит на горе вдоль оврага. Тут встретил брата. Радость, обедали и поехали, я сел с ним. До Драчева 27¹/₂, до Мошк 26¹/₂ (верст)».

Так после длительной разлуки Радищев встретился с братом Моисеем. Вместе на почтовых поехали на Судогу и на следующий день уже были во Владимире, Радищев пишет в путевых заметках:

«Под городом переезжают Клязьму по живому мосту. Володимер на горе, в самой середине строение каменное, потом улица господских дворов деревянных и слобода ямская длинная».

Что мог видеть Радищев в нашем крае? Владимирку. По ней он отправился в Сибирь, по ней возвращался назад после многолетней ссылки. Свернув после Ундола в сторону от Владимирки, Радищев заехал в Андреевское, к бывшему президенту Коммерц-коллегии графу Воронцову, оказывавшему опальному писателю моральную и материальную помощь в трудные годы.

Нам трудно представить Владимирку радищевских времен. Мы привыкли к асфальтированной автомобильной дороге Москва — Горький, которая на наших глазах делается все шире и благоустроенней. С удивительной быстротой мчатся по шоссе машины: утром владимирцы выезжают в Москву, чтобы попасть на дневной оперный спектакль в Большом театре.

Миллионы людей знают старую Владимирку по картине Левитана. В этом скромном и сокровенно написанном пейзаже Левитан раскрыл традиционную тему дороги, столь выразительно трактуемую в народных песнях, в русской литературе от Радищева и Пушкина до Блока. Левитановская «Владимирка», звучащая симфонией печали, по своим гражданским чувствам

очень близка дорожным размышлениям Радищева, его большим социальным идеям и глубине чувств. Тема дороги и у Радищева, и у Левитана связана с думами о судьбах Родины.

Каковы были нравы того времени, правдиво свидетельствуют сатирические издания Николая Новикова — современника Радищева. В журнале «Трутень» описывается деревенский помещик, который жил в доме, построенном дедушкой «на время». Но в этом доме так «обжились, что нового и по сие время не построили; ибо батюшка сего дворянина отягощен был делами, а именно: пил, ел и спал, а сынок к строению не имеет охоты, но вместо того упражняется в весьма полезных делах, ибо он изыскивает: может ли боец-гусь победить на поединке лебедя, ради чего выписывает из Арзамаса самых славных гусей и платит за них по двадцать, по тридцать и по пятидесяти рублей за каждого. Он имеет также бойцов-петухов и содержит огромную псовую охоту и наложенный на него соседями за помятые их хлеба оброк каждый год платит беззаимочно».

«Трутень» упоминает еще о сынке приказного, который лазил по голубятням, гонял голубей, держал петухов для боя и выкармливал разного рода собак. Журнал «Щепетильник» рассказывает об одном молодчике, который не мог письма написать без помощи дядьки, но зато знаток был в голубях и собаках. Страсть к ним простиралась до того, что однажды, парившись в бане и увидя из окна стаю голубей, он бросился на будку, схватил шест и начал нагой гонять своих птиц.

Немного сохранилось близ владимирской дороги мест, напоминающих нам о XVIII веке, но все же такие места встречаются. Вот Ундол, где останавливался Радищев. На пригорке раскинулась тенистая роща, названная в народе «Суворовской». По деревенскому преданию рощу сажил сам Александр Васильевич Суво-

ров — великий полководец, любивший подолгу жить в своем ундольском имении. До сих пор в Ундоле не прочь поговорить о том, что генералиссимус Суворов по утрам выезжал на сером в яблоках скакуне на Владимирский тракт и скакал по направлению к Владимиру до Пушничихи-горы. В Суворовской роще старых деревьев сохранилось мало. Но, глядя на далекую кромку старинного леса, слушая шум полевого ручья, сливающийся с пением жаворонков, вьющихся над простыми крестами деревенских могил, думаешь о том, что век Суворова и Радищева живет в этом среднерусском уголке.

Дорога в Андреевское сворачивает за Малой Пекшей вправо и проходит то через орешниковое мелколесье, то мимо деревень и деревенских речек и прудов, то полевым раздольем, где стоит вековая тишина.

Здесь братья отважились на смелый поступок: вместо того, чтобы ехать по указанному Радищеву маршруту, они свернули в сторону и заехали в Андреевское. Об этом в заметках сказано скупно:

«У графа обедали...»

Что заставило Радищева, столь спешившего в пути, остановиться в Андреевском, отъехав всего лишь несколько десятков километров от Владимира? Дело в том, что Андреевское было поместьем Александра Романовича Воронцова, сыгравшего видную роль в судьбе писателя-революционера.

Не касаясь подробно взаимоотношений Радищева с Воронцовым, скажем лишь о том, что Александр Романович был одним из самых образованных людей своего времени. Он длительное время являлся всемогущим президентом Коммерц-коллегии, где до ссылки служил и Радищев. Будучи деловым, властным человеком с «кремневым» характером, Воронцов горячо полюбил Радищева, отличавшегося неподдельной честностью и

стойкостью убеждения. И когда над писателем-революционером разразилась гроза, Воронцов, не знавший «ни страха ни угодливости», оказал большую поддержку автору «Путешествия», несмотря на то, что недруги обвиняли его в сообщничестве «бунтовщику». Недаром опальный писатель назвал Воронцова «душесильным» и вел с ним оживленную переписку.

Итак, братья Радищевы встретились в Андреевском с Воронцовым.

Что представляло в те годы Андреевское?

Огромный дворец прекрасной архитектуры был описан в середине прошлого века в «Русском архиве». Как сообщает автор заметки, дворец «вполне сохранился в том виде, как он был при графе А. Р. Воронцове, со всем устройством, гобеленовыми обоями, бюстами, театром, обширную портретною галереею».

Таковы печатные данные. До наших дней сохранился громадный архив А. Р. Воронцова, представляющий собой клад для исследователей. Большая часть воронцовских бумаг находится в настоящее время в Ленинграде, но богатейшие фонды лежат во Владимирском государственном архиве. В последние годы в этих фондах найдены ценные материалы, проливающие свет на многие известные страницы жизни Радищева, характеризующие его деятельность в таможене.

Вот подлинная служебная записка Радищева Воронцову, сообщающая о делах Коммерц-коллегии. Характерный радищевский почерк, золотистые чернила, которые предпочитал писатель.

Из тьмы екатерининской ночи доносится к нам голос Радищева — патриота, страстно любившего свою Родину, заботившегося о международном авторитете своего государства. Например, в «Инструкции от государственной Коммерц-коллегии определенному в Гамбурге, Любеке и Бремене Российским Генеральным

Консулом...» Радищев требует от русского представителя поступать «во всяком случае прилично своему званию, как того требует слава Российской нации и должность честного человека», «защищать правость своего дела», сохранять «честь Российского флага во всех портах».

Много еще интересного о Радищеве можно рассказать, рассматривая вновь найденные документы. Но возвратимся к вопросу, который сейчас нас волнует — к вопросу о портрете писателя.

В воронцовском архиве имеется «Ведомость дворовым людям в Андреевском» с поименным перечнем людей, живших при графском дворе. Здесь были — приказчики, конторщики, писари, ключник, наклеящики, столяры, садовники, шорники, портные, сапожники, печники, медники, слесари, кузнецы, конюхи, музыканты, форейторы, художники, официанты, рыбаки. Между прочим, старший официант при дворе получал на шесть рублей больше, чем архитектор.

Среди воронцовских бумаг обращает на себя внимание счет «с кого на сколько взыскать следует за покраденное живописцами постное масло». Но из дел крепостных живописцев можно понять, что масло было всё-таки израсходовано на работы. Много трудились художники Иван Бабарин, Федор Страхов и ученик Федор Ефимов. Они не сидели без дела, а усердно работали над созданием воронцовской портретной галереи.

Внимание привлекает следующее упоминание в записке, напечатанной в «Русском архиве»: «В одном из кабинетов графа А. Р. Воронцова на видном месте поясной портрет А. Н. Радищева».

* Владимирский архив, фонд Воронцова, дело № 187, листы 115—116.

По свидетельству старожилов, портрет Радищева был привезен во Владимирский музей вскоре после революции из Андреевского вместе с другими вещами и бумагами.

Таким образом, портрет, находившийся во Владимирском музее, принадлежал видному покровителю писателя Александру Романовичу Воронцову. Кажется не лишним основания мнение, что портрет написан по заказу Воронцова одним из его крепостных художников. Быть может, портрет Александра Николаевича написали крепостные живописцы, упомянутые выше, Иван Бабарин или Федор Страхов.

Портрет изображает Радищева таким, каким он был после илимской ссылки, на закате своих дней. Другие известные портреты Радищева относятся к более ранним годам.

Остается определить время написания портрета. Трудно предположить, чтобы изображение было сделано во время краткосрочного пребывания Радищева у Воронцова на пути из Сибири. Но тем не менее и оно не исключено.

Рентгеновский снимок, сделанный с портрета, позволил обнаружить под изображением Радищева другой портрет человека в парике с одной буклей. Таким образом, портретист написал изображение Радищева не на чистом домотканном холсте, а на каком-то уже начатом, другом портрете. Очевидно, под рукой не было подходящих материалов, а нужно было спешить...

Впрочем, воронцовский художник мог писать Радищева и позднее, в 1801—1802 годах, в последний, петербургский период жизни писателя.

Дворец в Андреевском — одно из самых прекрасных зданий баженских времен русской архитектуры. Во всяком случае, зданию свойственна мягкость и затейливость в расположении внутренних дворцовых залов и про-

стота, изящество внешнего вида, монументальность которого подчеркивается лишь традиционными колоннами. Целостный архитектурный ансамбль, замыкавший двор в правильный четырехугольник, включал в себя огромный лесопарк с павильонами и постройками, пруд, речку с плотиной.

Дворец и парк сохранились в сравнительно неплохом состоянии, если не считать досадной, уродующей здание пристройки застекленной террасы. Теперь в бывшем воронцовском дворе размещен санаторий, и в одном из бесконечных залов мы видим большой портрет Радищева, нарисованный на холсте.

Жаль, что на здании нет мемориальной доски, напоминающей о том, что здесь бывал великий писатель.

Недавно в Москве, в Государственном литературном музее, была устроена большая выставка, посвященная жизни и деятельности Александра Николаевича Радищева. В нескольких залах размещались экспонаты, ярко характеризующие благородный жизненный и творческий путь одного из замечательных русских людей XVIII столетия. С огромным интересом останавливались посетители перед первым, редчайшим изданием «Путешествия из Петербурга в Москву». Ведь царское правительство стремилось уничтожить все экземпляры «крамольной» книги, опасаясь ее могучего революционизирующего влияния. Недаром букинисты считают первое издание «Путешествия» уникальной книгой.

Другим ценнейшим экспонатом выставки, неотразимо привлекавшим к себе посетителей, был портрет писателя, привезенный из Владимира. Возле портрета часто возникали жаркие споры — он был большой новинкой для знатоков радищевской иконографии, считавших, что последний портрет писателя исчез безвозвратно. Для специалистов владимирская находка была совершенной неожиданностью.

...Это случилось в воскресный день. В залах выставки много посетителей. Здесь были и колхозники из подмосковных сельскохозяйственных артелей, и рабочие предприятий столицы, и студенчество, и группа библиотечных работников из Сибири. Ведь в наши дни имя Радищева стало достоянием и гордостью всего Советского народа.

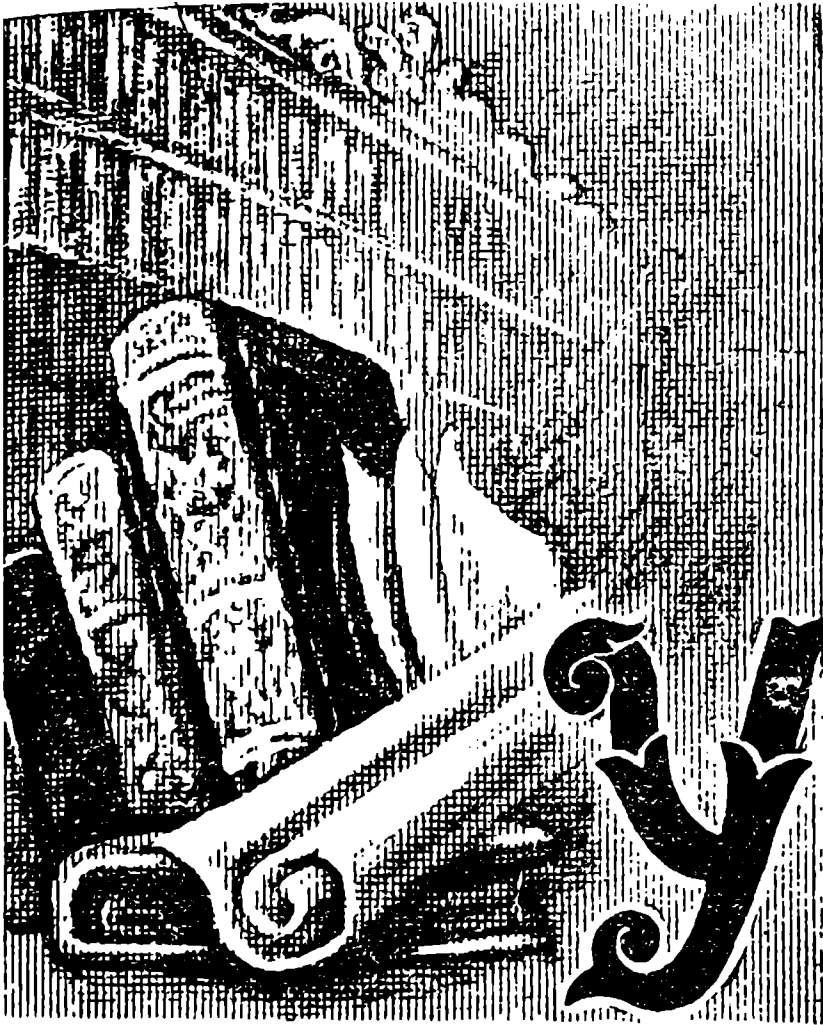
Стайка жизнерадостной молодежи остановилась около радищевского портрета. Экскурсовод сказал:

— Перед нами портрет того, кому посвящена выставка... Посмотрите, как привлекательно это лицо, озаренное глубокой мыслью.

С интересом слушали юноши и девушки историю портрета, только что привезенного из Владимира в литературный музей. И, рассматривая одухотворенное лицо человека, отдавшего свою жизнь во имя счастья далеких потомков, молодые люди вспоминали пламенные стихи прорицателя вольности:

Да, юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

Время от времени полезно заглядывать в архивы... Полнее сознавая прошедшее, мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл былого — раскрываем смысл будущего; глядя назад — шагаем вперед.

А. И. Герцен

МИР КНИГ И РУКОПИСЕЙ

ПОДНОЖЬЯ старых владимирских холмов

находится высокое здание, в котором разместился местный архив — замечательное собрание документов, рукописей, уникальных книг. Фонды архива уже немало послужили для создания интересных монографий, статей, публикаций. Но главные дела еще впереди. К десяткам и сотням документов пока еще не прикасалась рука исследователя.

Не знаю, как другие, но я всегда прохожу по архивным комнатам с душевным трепетом. В пухлых пронумерованных папках лежат бумаги, которые нельзя без волнения брать в руки. Листы, исписанные старинными почерками, повествуют о судьбах и делах людей, воскрешают забытые предания старины глубокой. Если хочешь составить свое собственное мнение о прошедшем, обратись к первоисточникам. Вспомним, какое огромное

влияние на формирование писательского таланта Алексея Николаевича Толстого оказало изучение деловых архивных бумаг — розыскных актов XVII века. Эти розыскные акты, рассказывает Алексей Николаевич, записывались дьяками, которые старались изложить в сжатой и красочной форме наиболее точно рассказ пытаемого. Не преследуя никаких «литературных» задач, премудрые дьяки творили высокую словесность.

Почитайте хранящиеся во Владимирском архиве личные дела заключенных в царские тюрьмы. Из тюремных одиночек люди кровью сердца писали алмазным языком, о котором говорил А. Н. Толстой. Эти письма — богатейший материал для историка, поэта, романиста, художника. Надо сказать, что Владимирский архив — один из богатейших провинциальных архивов. По богатству и разнообразию фондов он с полным основанием может быть назван сокровищницей документов.

Несомненно, значительный интерес представляет фонд заводчиков Баташевых, бывших владельцев Гуся Железного. В этом фонде собраны бумаги более чем за полтораста лет! А вот самоуверенный почерк «всей России притеснителя» Аракчеева, чьи бумаги также попали в местный архив.

Настоящий клад для исследователя — личные фонды владимирских писателей и ученых. Этих фондов не очень много, но количество с лихвой возмещается качеством. В фонде писателя Нефедова мы видим письма Салтыкова-Щедрина, Писарева, Глеба Успенского, Плещеева, Майкова, Михайловского, Ивана Аксакова, Стрепетовой, Пыпина, Скабичевского, Стасюлевича, Трефолева, Гайдебурова и многих других. Кроме того, имеются рукописи литературных произведений различных лиц, материалы по фольклору, этнографии и археологии.

Нельзя не порадоваться первой попытке владимирских архивистов, устроивших выставку редких книг,

периодических изданий и некоторых документов. В комнате со стеклянными витринами чувствуешь себя так, словно попал в волшебный мир. Книжки, где удивляться и восхищаться можно буквально на каждом шагу.

На столе лежит подшивка ленинской «Искры». Эпиграфом к этой замечательной большевистской газете послужили слова из ответа декабристов Пушкину: «Из искры возгорится пламя!» С гордостью думаем мы, что автором ответа является Александр Иванович Одоевский, чья жизнь тесно связана с нашим краем. В суровой сибирской ссылке, а потом среди опасностей военной жизни на Кавказе с отрадой вспоминал опальный поэт-демократ вишневые сады Владимира, извилистую Клязьму, свой последний приезд в Юрьев-Польский накануне декабрьских событий 1825 года.

На выставке можно было ознакомиться с материалами по истории революционного движения, с интересными документами деятельности Николая Евграфовича Федосеева, Ивана Васильевича Бабушкина, Михаила Васильевича Фрунзе и других замечательных революционеров. Вот письмо «от приговоренного к смертной казни» Михаила Васильевича Фрунзе, написанное в 1909 году, в котором он просил разрешения сфотографироваться для того, «чтобы иметь возможность отправить фотографические снимки моим родным».

Нельзя не обратить внимание на обширный рукописный список глав из книги «Былое и думы» А. И. Герцена. Переписанные каллиграфическим писарским почерком, сборник включал в себя также копии писем В. Г. Белинского к друзьям.

До конца своей жизни Герцен вспоминал годы, проведенные во Владимире, как «чуть ли не самый чистый, самый серьезный период окончившейся юности». В своей объемной книге мемуаров — «Былое и думы», ставшей

классическим произведением русской и мировой литературы, Герцен одну из лучших частей назвал: «Владимир на Клязьме». С горечью писал Герцен о том, как покидал он наш город: «В начале 1840 года расстались мы с Владимиром, с бедной узенькой Клязьмой. Я покидал наш венчальный городок с щемящим сердцем и страхом, я предвидел, что той простой глубокой внутренней жизни не будет больше... Мы знали, что Владимира с собой не увезем...».

Недавно в архиве обнаружены новые материалы о пребывании во Владимире писателя-демократа, о его литературной и общественной деятельности.

Среди лиц, описанных Герценом в мемуарах, фигурирует владимирский архиерей Парфений. Его Герцен характеризует следующим образом: «Владимирский архиерей Парфений был умный, суровый и грубый старик; распорядительный и своеобразный, он равно мог быть губернатором или генералом, да еще, я думаю, генералом он был бы больше на месте, чем монахом; но случилось иначе, и он управлял своей епархией, как управлял бы дивизией на Кавказе».

Этот Парфений, кроме своей основной «должности», занимал также пост главы существовавшего тогда в городе «попечительного о тюрьмах комитета». В то время через Владимир проходил этапный путь в Сибирь, и на окраине города находилась большая пересыльная тюрьма. За несколько лет до приезда Герцена во Владимир через местную пересыльную тюрьму прошли некоторые из декабристов. Во время пребывания Герцена во Владимире в тюрьму то и дело прибывали новые и новые партии «бунтовщиков» — крестьян, выступавших против помещиков. Они проходили через город под конвоем, гремя кандалами. Герцен жил на главной улице, возле Золотых ворот. Из окон дома он не мог не видеть арестантов, идущих по этапу...

Среди бумаг архива найдено официальное письмо А. И. Герцена к Парфению — в попечительный о тюрьмах комитет. Приводим в сокращенном виде это письмо (публикуется впервые):

«Ваше высокопреосвященство,
Милостивый государь и архипастырь!

Желаю по мере возможности участвовать в деле облегчения судьбы тех несчастных..., которые подвергнулись тюремному заключению; я покорнейше прошу Ваше высокопреосвященство принять от меня в распоряжение Владимирского тюремного комитета двадцать пять рублей ассигнациями; это пожертвование думаю я повторять ежегодно — если дозvoлят обстоятельства.

С чувством искреннего уважения и преданности честь имею прибыть вашего высокопреосвященного покорный слуга.

А. Герцен.

г. Владимир 1889 г. июнь 13».

Как известно, во Владимире Герцен работал в редакции «Губернских ведомостей». В своих мемуарах Александр Иванович писал о работе в губернской редакции: «Дело это было мне знакомое: я уже в Вятке поставил на ноги неофициальную часть «Ведомостей» и поместил в нее раз статейку, за которую чуть не попал в беду мой преемник».

В «Трудах Владимирской ученой комиссии» можно найти важнейшие сведения о пребывании Герцена во Владимире, о его работе в местной газете, отношениях с владимирской интеллигенцией. Вообще надо заметить, что в трудах здешней краеведческой комиссии публиковалось множество любопытных исследований, документов и заметок из жизни и истории нашего края. Но «Труды» выпускались небольшим тиражом, и теперь найти их можно лишь в музеях, да и то не всегда. Меж-

ПУТЕШЕСТВІЙ ГУЛЛИВЕРОВЫХЪ

Книга I.

содержащая въ себѣ

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ЛИЛИПУТЪ,

переведена

ЕРОФЕЕМЪ КОРЖАВИНЫМЪ,

Изданіе второе.

А. Головинъ

ЧАСТЬ I.

ВЪ Университетской Типографіи

1780 года.

ду тем для каждого, кто интересуется историей архитектуры, живописью, этнографией области, книги краеведов являются неизменным пособием. Чтобы дать понятие о научном уровне исследований, печатавшихся в «Трудах», приведу лишь один пример: во владимирских сборниках была впервые опубликована (с многочисленными иллюстрациями) библиографическая работа Масанова о русских сатирических журналах прошлого века. До сих пор масановская опись сатирических изданий той поры служит важным источником познаний для студентов, преподавателей, ученых, она включается и поныне в программы высших учебных заведений.

Чем еще порадовала нас выставка?

Вот книга, при виде которой нельзя не улыбнуться. С детства запомнил каждый из нас удивительное повествование о том, как Гулливер, потерпев кораблекрушение, попал в плен к шестидюймовым человечкам. В юности мы прочли вторично эту одну из самых занимательных книг и по-новому почувствовали, что за невозмутимо-спокойным тоном повествования автора скрыто издевательское остроумие. На выставке представлено одно из ранних изданий Свифта на русском языке, если не самое первое. На титульном листе книги написано: «Путешествии Гулливеровых книга первая, содержащая в себе путешествие в Лиллипут, переведена с французского языка на российский государственный коллегией иностранных дел переводчиком Ерофеем Коржавиным». Эту книгу мог держать в руках юный Александр Радищев. Для Пушкина и его сверстников-лицеистов перевод Коржавина был уже старой книгой.

Перед нами небольшого, чуть не карманного, формата книжечка — «Московский журнал», это один из ранних карамзинских журналов, издававшихся в первые годы последнего десятилетия XVIII века. Журнал пользовался огромным успехом, ни у какого другого издания

не было столько подписчиков. Многие книжечки журнала зачитывались до дыр. Карамзин постоянно получал немало одобрительных отзывов современников о своем «детище». Недаром Белинский указывал, что Карамзин умел заинтересовать русских читателей и приучить их к регулярному чтению.

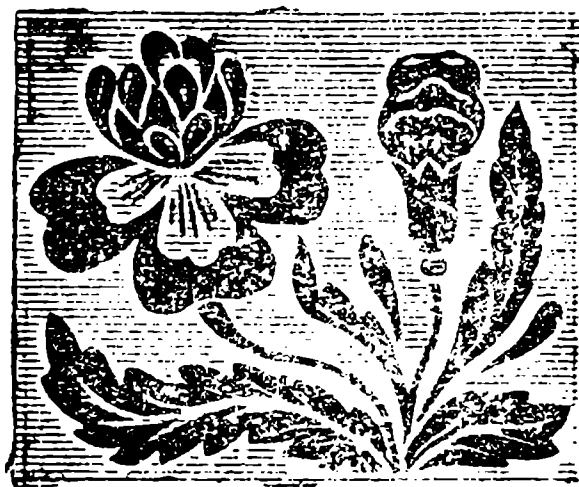
На выставке представлены книги «Московского журнала» за 1792 год. В седьмой книге, как и в других, печатались знаменитые «Письма русского путешественника», в которых Карамзин в легкой, хорошо воспринимаемой форме доводил до сведения читателей удивительное множество бытовых, исторических, литературных, философских и других сведений. Кроме того, издатель печатал такие произведения, как «Бедная Лиза», «Наталья — боярская дочь», а также описание различных происшествий, анекдотов из жизни знаменитых писателей. Здесь же опубликованы «Похождения графа Калиостро» — повествование об известном в свое время международном аферисте, который будучи гипнотизером выдавал себя за мага и волшебника. В 1780 году Калиостро приезжал в Петербург и благодаря своим шарлатанским проделкам добился, что его стали принимать в петербургском свете как исцелителя нервных заболеваний. Понятно, что такое занимательное чтение, рассчитанное на определенные вкусы, привлекало к журналу Карамзина субскрибентов, как называли подписчиков...

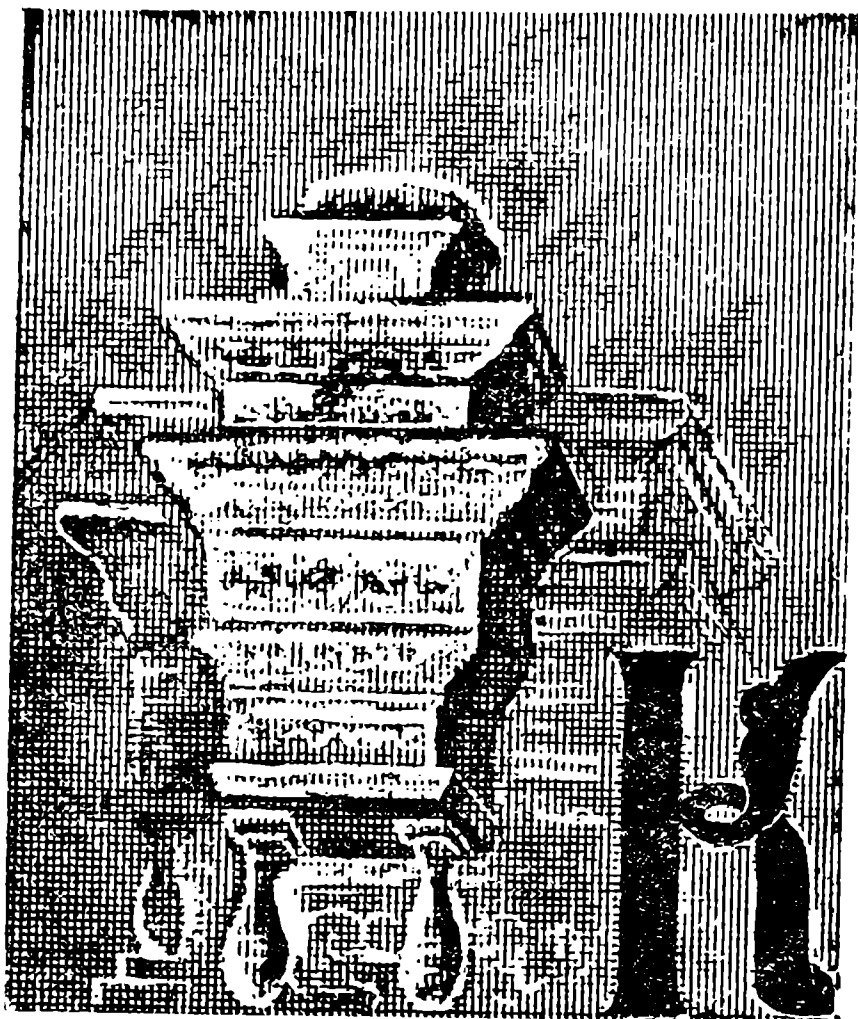
В нашей печати часто отмечают давние экономические и культурные связи России с самыми различными странами. В частности, недавно упоминалось имя Григория Ивановича Микулина, русского посла, проведшего в Англии зиму 1600—1601 гг. В одной из книг помещен очень выразительный портрет посла — человека с умным, твердым и проницательным взглядом.

Нельзя не обратить внимания на книгу «Китайское уложение, перевел сокращенно с манчжурского на рос-

сийский язык коллегии иностранных дел майорского ранга секретарь Алексей Леонтьев» (1779 г.). Как свидетельствуют его современники, Леонтьев научился китайскому языку в Пекине, где жил при русской миссии около восьми лет. Уже в 60-х годах XVIII столетия Леонтьев занимался переводом на русский язык китайских книг. Активно трудился Леонтьев для «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг в Петербурге». Леонтьев был деятельным участником знаменитых сатирических журналов Новикова, в частности, «Трутня». В этом журнале в 1770 г., в листе 8, была помещена статья «Чензия китайского философа совет, данный его государю». Под этой статьей стоит подпись: «Перевел с китайского не знаю кто». Но среди многочисленных переводов Леонтьева есть книга «Китайские мысли», выпущенная первый раз в Петербурге в 1772 году. В нее входит и перевод той самой статьи, которая помещена и в «Трутне», хотя она и называется иначе — «Рассуждения учителя Чензия о правлении государственном».

Как замороженный ходишь по царству Книги. Листаешь страницы пожелтевших изданий и словно перед тобой раздвигается горизонт, становится шире, дышится глубже, сильнее ощущаешь присутствие времени.

ГЛИНЯНАЯ КНИГА

ТО бывал в деревнях под Владимиром, тот надолго запомнил дома, украшенные деревянной резьбой, с резными наличниками, напоминающими тонкое кружево. А разве можно забыть, возвышающихся над коньками изб, деревянных петухов, поворачивающих свои гребни-флюгера в сторону ветра? Но наибольшее впечатление производят изящные изразцовые печи в домах.

«Нигде в России искусство не внедрилось столь глубоко в народную жизнь, как здесь и культурная высота этого края заключается именно в народном усвоении Суздальской Русью всех форм гражданственности и, прежде всего, городской жизни», — писал в свое время академик Н. П. Кондаков.

Есть много сказок о том, как Иванушка-дурачок путешествовал, не слезая с теплой печи. Если говорить о владимирских печах, то сказочники были весьма близ-

ки к истине. Печи расписывались местными мастерами так, что изразцы напоминали листы книги, рассматривая которые можно мысленно побывать в самых дальних краях.

Одна из таких печей-книг находится во Владимирском областном краеведческом музее. Она привезена из Суздаля. Это диковинное произведение народного искусства посетители рассматривают часами. Невозможно отвести взгляд от причудливых голубоватых узоров и картинок, нанесенных на белоснежные изразцы. Почти каждый изразец имеет свою форму и свою картинку. Два ряда мелких, полувоздушных колонн поддерживают ярусы печи. Ее верх венчают своеобразные изразцовые шкатулки.

О чем рассказывают рисунки глиняной книги?

По преданию, печь была сооружена еще в восемнадцатом веке. Выходя за пределы церковной догматики, народные мастера создавали произведения, отмеченные печатью тонкой поэзии. Любуясь изящным цветочным орнаментом, думаешь о самой земной, реальной красоте, вспоминаешь пойменные заливные луга Клязьмы и Нерли.

Своеобразный поэтический образ природы лежит в основе художественного оформления всей каменной книги.

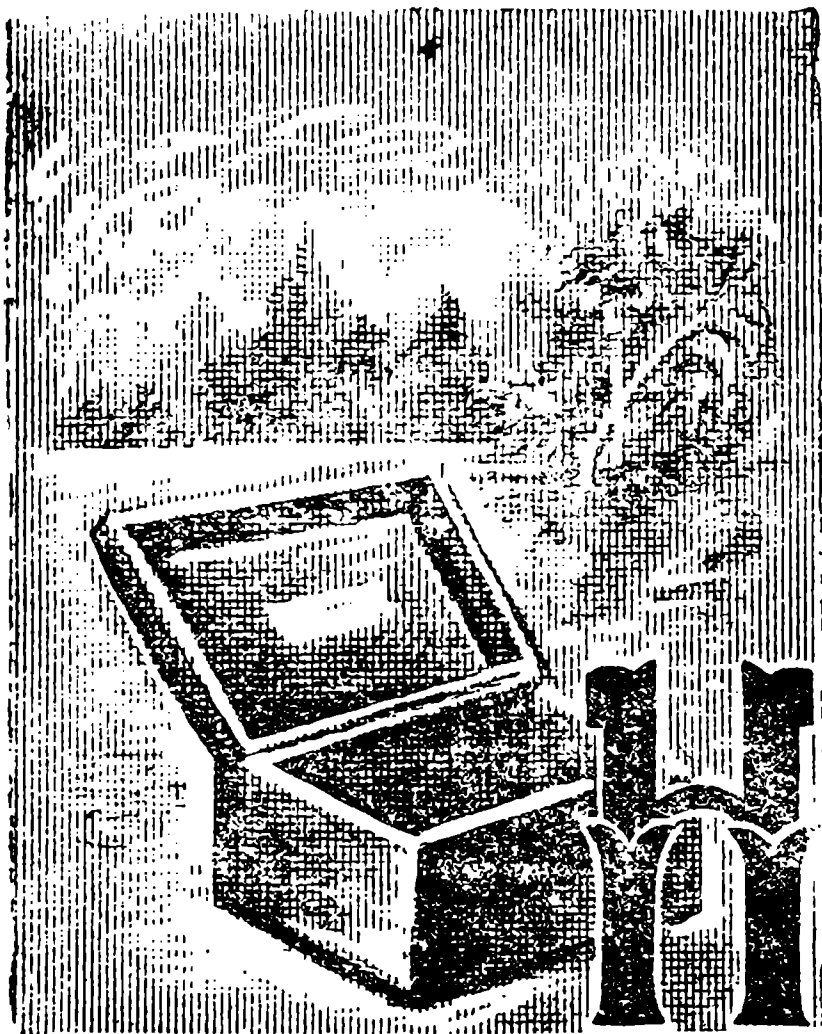
Что касается рисунков легендарных зверей и птиц, то владимирские умельцы с давних пор любили изображать их на своих архитектурных памятниках. На некоторых изразцах мы видим сценки из старинных притч, которые напоминают теперешние юмористические картинки.

Одна юная посетительница музея долго смотрела на печь, а потом сказала:

— Да неужели ее топили, ведь вся печь словно из белой пены...

Но есть данные, что подобные печи были удобны и практичны в быту, они не только украшали искусными изразцами горницу, но и обогревали ее и получалось вопреки поговорке: «Светит, да не греет...»

ШКАТУЛКА АРИНЫ РОДИОНОВНЫ

А КЛЯЗЬМЕ половодье. Река вышла из берегов, вешние воды залили пойменные луга, и дорога-насыпь, мощеная булыжником, тянется среди зеркальной глади, порвав надвое клязьминские просторы.

Автобус мчится по насыпи, покачиваясь на выщербленной мостовой, как на волнах. Из окон, сквозь свежewe-мытые стекла, виден весь разлив: плывут последние льдинки, крутится в водовороте нивесть откуда унесенная бочка; моторка тащит непомерно большой плот. Вековые дубы стоят в воде и волны касаются их ветвей.

Благодатные картины!

Мы едем по Муромской дороге на Судогду — маленький город, расположенный в нескольких десятках километров от Владимира. Мой спутник — клубный работник, гармонист, нетерпеливо и недовольно поглядывает на шофера и говорит:

— Еще до гусевского поворота не добрались, а коли будем в Судогде к обеду — так еще хорошо.

Сказав это, он снова бросает негодующие взгляды на шофера, как бы ожидая возражений. Но водитель машины — девушка с обветренным красным лицом, в синем комбинезоне, глядя на избитую дорогу, равнодушно замечает:

— Когда надо — тогда и будем.

Это повергает гармониста в уныние и он, не в силах сдержать свои чувства, начинает горько жаловаться, изливая свою душу:

— Я после смотра в области на семинаре задержался. Всю неделю в клубе не был, всю неделю. А там без меня... И он безнадежно махнул рукой.

Наступило молчание. Гармонист устремил взгляд в одну точку, очевидно представляя, что делается без него в клубе.

Желая отвлечь гармониста от тягостных мыслей, я спросил:

— Скажи, Петр, чем славятся ваши места?

Мой спутник повеселел, я напал на его излюбленную тему разговора:

— Наши места, — сказал Пётр, улыбаясь глазами, — славятся песнями. Он взял в руки футляр, извлек новенький тульский баян и полились то жалобно-протяжные, то удалые, переливчатые звуки песни.

Мы вольные птицы! Пора, брат, пора;

Неожиданно оборвав песню, сказал:

— Эту песню у нас в клубе хорошо поют...

А затем продолжал:

Туда, где за тучей белеет гора.

Машина мчалась среди полей, и ее обгоняла быстрая, как ветер, песня.

— Наша сторона славится галанинским хором, муромцевским дендрарием, лесным техникумом, Вольно-Артемовским сельским клубом, стекольными заводами, древесиной, которая идет для строек, мастерами-колодезниками, определяющими безошибочно, где надо искать воду.

Неизвестно, сколько бы еще времени Петр перечислял местные достопримечательности, если бы не тряхнуло сильно автобус на повороте, и мы с удивлением взглянули в окна. Кончилось поле, машина въезжала в город.

— Наша местность славится тем, что здесь бывал Пушкин,—торопился Петр закончить свою лекцию,—и подарил городу Судогде свою шкатулку.

Девушка-шофер мягко затормозила машину. Петр выскочил из автобуса первым.

— Побегу попутную искать, — сказал он, вешая багрян через плечо.—Теперь до клуба недалеко.

— Подожди, а где сейчас пушкинская шкатулка?

— Заинтересовались, значит, — улыбнулся гармонист,—эту историю знает Михаил Сергеевич, в банке он работает, зайдите к нему — все расскажет. А ко мне, милости прошу, приезжайте в клуб песни слушать.

Через несколько минут я был возле массивного здания местного банка.

— На сегодня операции кончены, — сказал дежурный милиционер,—приходите завтра до двух часов.

— Разрешите вызвать по телефону Михаила Сергеевича.

И вот я иду с Михаилом Сергеевичем, пожертвовавшим своим обеденным перерывом для того, чтобы удовлетворить мою любознательность.

Сам Михаил Сергеевич — человек средних лет, с гладко выбритой головой, суетливый, говорит необыкновенно быстро. Его добрая детская улыбка подкупает сразу.

Комната Михаила Сергеевича заставлена книжными стеллажами, на стенах развешаны цветные репродукции; пушкинские портреты работы художников Кипренского и Тропинина, «Пушкин в Михайловском», «Пушкин читает стихи на выпускном экзамене в Лицее», фотография знаменитого памятника поэту работы А. М. Опекушина. Самая большая из репродукций — «Пушкин на Дворцовой набережной». Она изображает прогулку поэта белой ночью по Петербургу.

— Познакомьтесь с моей пушкинской библиотекой, — с гордостью сказал Михаил Сергеевич.

Да, ему было чем гордиться. Скромный банковский служащий, страстный любитель литературы, собрал сотни книг о Пушкине, различные издания произведений поэта, газетные и журнальные статьи о нем.

— Так вас интересует связь Пушкина с местным краем? — переспросил Михаил Сергеевич. — Поэт много путешествовал по России, бывал Александр Сергеевич и в наших местах. Помните начало незаконченной поэтом сказки:

В славной, в Муромской земле,
В Карачарове селе...

Карачарово — это под самым Муромом. Поэт часто упоминал знаменитые муромские леса. А в Савостлейке вы не бывали? Это ближе к Горькому, большое колхозное село. В нем с Пушкиным произошел забавный эпизод.

Михаил Сергеевич быстро извлек из груды книг сибирский томик и зачитал отрывок из письма Пушкина к Н. Н. Гончаровой:

«В Болдине, все еще в Болдине! Узнав, что вы не оставили Москвы, я взял почтовых лошадей и отправился. Выехав на большую дорогу, я увидел, что ...настоящих карантинных только три. Я храбро явился в первый (Савостлейка, губ. Владимирская); инспектор

спрашивает мою подорожную, сообщив, что мне предстоит всего шесть дней остановки. Потом он бросает взгляд на подорожную. — Вы не по казенной надобности изволите ехать? — Нет, по собственной, самонужнейшей. — Так извольте ехать назад, на другой тракт, здесь не пропускают. — Давно ли? — Да уж около 3-х недель.

— И эти свиньи, губернаторы, не дают этого знать?

— Мы не виноваты-с. — Не виноваты! А мне разве от этого легче? Нечего делать — еду назад в Лукоянов».

— Да, поэту пришлось много постранствовать, пока он пробившись через холерные карантинны, добрался до Москвы.

— Скажите, Михаил Сергеевич, — спросил я, — это правда, что Пушкин подарил вашему городу шкатулку?

Михаил Сергеевич улыбнулся.

— Это легенда. О Пушкине народ сложил много преданий. Но, как говорится, дыма без огня не бывает. В нашем районе действительно есть пушкинская шкатулка. Она принадлежала няне Пушкина — Арине Родионовне и была ею подарена поэту Языкову.

— Вы не расскажете подробней?

— Историю шкатулки лучше всего знает Елизавета Александровна.

— А где ее можно увидеть?

— Она библиотекарь в Муромцево.

В Муромцево ведет нарядная березовая аллея. Среди громадного парка — причудливое архитектурное сооружение в виде замка. Некогда здесь было имение богатого промышленника. Сейчас здесь лесомеханический техникум. В парке слышны веселые голоса учащихся — будущих хозяев леса. Из окон техникума видны голубоватые ели, серебристые тополя, клены, березы, ясени.

В одной из комнат старого здания, в библиотеке, я встретился с Елизаветой Александровной. Она занималась своим обычным делом — выдачей книг.

Н. М. ЯЗЫКОВ

Елизавета Александровна говорит тихо и неторопливо:

— В Судогде, на улице Карла Маркса, бывшей Песчаной, есть старый дом. Некогда этот дом принадлежал Языковым, отдаленным родственникам известного поэта, друга Пушкина. В годы войны, видите ли, в доме поселилась Анна Дмитриевна Языкова. Она была страстной почитательницей Пушкина, могла часами слушать его стихи и любила рассказывать семейные предания о великом поэте.

Однажды Анна Дмитриевна позвала меня к себе, заперла на крючок входную дверь и таинственно сказала: — Слушай, Лизанька, меня внимательно.

Она открыла сундук и достала дубовую шкатулку прямоугольной формы, отделанную красным деревом. Откидная крышка имела небольшое отверстие, как у копилки.

Анна Дмитриевна стала открывать шкатулку, и замок издал тихий мелодичный звон.

— Читай,— строго сказала Анна Дмитриевна, указав на пожелтевшую от времени бумажную наклейку. На ней было написано: «Для черного дня...» А ниже: «изделан сей ящик 1826-го года июля 15 дня».

— Милая,— сказала А. Д. Языкова,— эта дубовая копилка мне дороже золотой. Когда фашисты подходили к Новгороду и мне с другими вместе пришлось эвакуироваться, то я из всех вещей только одну захватила — вот эту шкатулку. Да, она дороже золотой...

Старое семейное предание Языковых гласит следующее. Пушкин очень любил поэта Николая Михайловича, посвятил ему много замечательных стихов. В 1826 году Языков, будучи студентом, во время летних каникул приехал в гости к Пушкину. Они очень подружились. Читали друг другу стихи, купались, ездили верхом, танцевали у соседей.

Няне Пушкина Языков особенно полюбился. Угощала его вместе с Александром Сергеевичем, рассказывала ему «предания старины глубокой».

Когда Языков собрался уезжать, Арина Родионовна из своей светелки принесла только что сделанную кре-

Михайловское. Домик няни

постным мастером-умельцем шкатулку — в подарок Николаю Михайловичу. А Пушкин наполнил шкатулку книгами, сделал наклейку с надписью: «Для черного дня». Несколько позже Языков написал стихотворение, обращенное к няне Пушкина. Оно начиналось словами: «Свет Родионовна, забуду ли тебя?» Все стихотворение проникнуто воспоминаниями о днях, когда Языков на-

вещал изгнанника-поэта, когда няня тепло принимала гостей Пушкина:

Как сладостно твое святое хлебосольство
Наш баловало вкус и жажды своевольство;
С каким радушием — красую древних лет —
Ты собирала нам затейливый обед!

.

Ты занимала нас, добра и весела,
Про стародавних бар пленительным рассказом;
Мы удивлялися почтенным их проказам,
Мы верили тебе — и смех не прерывал
Твоих бесхитростных суждений и похвал;
Свободно говорил язык словоохотный,
И легкие часы летели беззаботно!

Долгий путь проделала шкатулка Арины Родионовны. От одного поколения к другому передавалась она, как драгоценная реликвия, напоминающая о дружбе автора знаменитой песни «Нелюдимо наше море» с великим Пушкиным, с его няней.

Анна Дмитриевна завещала шкатулку Елизавете Александровне, которая и сохранила подарок няни Пушкина до наших дней.

— Я решила, — говорит заключая свой рассказ Елизавета Александровна, — отправить шкатулку в пушкинский заповедник, в Михайловское. Там она лучше сохранится.

...На обратном пути во Владимир довелось мне побывать в клубе у приятеля-гармониста, первым сообщившего мне о шкатулке.

Петр был весел и возбужден необыкновенно.

— У нас сегодня вечер художественной самодеятельности, — сообщил он радостно.

Сельские артисты показывали отрывок из «Бориса Годунова» — сцену в корчме на Литовской границе. Петр играл роль отца Мисаила, публика ему аплодировала.

Видно было по всему, что Петр являлся здесь признанным любимцем публики.

Пушкинские стихи звучали из уст колхозника и для колхозников. После занавеса зал долго аплодировал.

По дороге-насыпи, возле которой плещутся волны разлившейся Клязьмы, мчится голубой автобус. Девушка-водитель в аккуратном комбинезоне внимательно смотрит на дорогу и порой чему-то улыбается. Над кожаным сиденьем лежит книга. На корешке книги золотыми буквами написано «Пушкин». На длительных остановках девушка вынимает ее и читает.

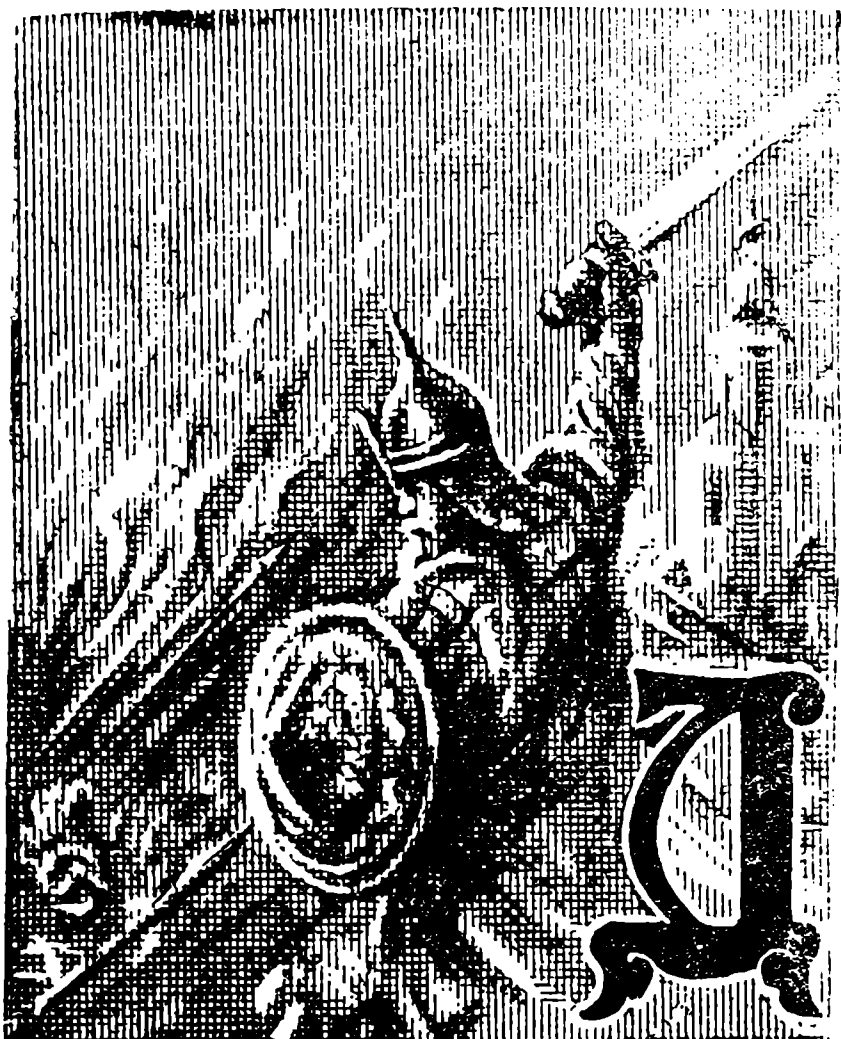
Это великое имя стало постоянным спутником миллионов. В горе и в радости, во время труда и отдыха обращаются старые и молодые, рабочие и крестьяне, академики и школьники к Пушкину, как к неиссякаемому источнику духовных сил.

Недаром говорят: «Пушкин всегда с нами!»

Через несколько дней после поездки в Судогду по радио была передана весть о том, что пушкинскому заповеднику в Михайловском передана шкатулка няни поэта.

В светелке Арины Родионовны стоит сейчас эта резная дубовая шкатулка.

НАД ДРЕВНИМИ РУКОПИСЯМИ

РЕВНЕРУССКИЕ летописцы любили сравнивать свои рукописи с поплавками, брошенными в бурное море. Через бури и ненастье поплавок может быть принесен водной стихией к противоположному берегу. А может быть суждено поплавку погибнуть в морских просторах.

Через житейские бури, через столетия несет рукопись «предание старины глубокой». И если уцелеет она, то спустя столетия благодарный потомок с благоговением будет слушать голос своих предков, голос «оттич и дедич».

До XVI века все наши книги были рукописными. В глубокую старину писались они не на бумаге, а на пергаменте — тонко обделанной и отбеленной коже животных. С XV века употребление бумаги преобладает над пергаментом.

Переписчики очень заботились о внешнем виде книг — рисовали затейливые заставки, различными красками разрисовывали начальную (красную) строку, переплетали рукопись в бархат или парчу, порой украшали переплет золотой или серебряной оправой.

Каждая древнерусская книга представляет большой интерес для ученых. Поэтому все сообщения о находках старинных рукописей встречаются с живейшим вниманием. Выдающейся для русской литературы считается и находка Мусина-Пушкина, хотя произошло это свыше ста шестидесяти лет назад. В приобретенном в Ярославле сборнике, среди разных произведений, Мусин-Пушкин обнаружил бессмертное «Слово о полку Игореве». Легко представить, как было бы обеднено наше представление о древнерусской литературе, если бы не замечательное открытие «Слова» в Ярославле.

Собиратели и исследователи древнерусских рукописей, как правило, большие энтузиасты своего дела. Один из таких энтузиастов — Николай Петрович Рождественский, долгое время работал он в Вязниковском краеведческом музее.

Несколько десятилетий занимаются в Вязниках собиранием и изучением старых рукописей. Упорные труды не пропали даром. Сейчас рукописным сокровищам, собранным Вязниковским музеем, могут позавидовать многие.

Однажды вот что произошло при работе над большой рукописной книгой «Стоглава». «Стоглав» — это сборник постановлений собора, созванного Иваном Грозным в 1551 году. Постановления касались и церковных дел и всего строя жизни старой Руси. Название сборник постановлений получил от 100 глав, в нем находящихся. Составлен он в форме вопросов и ответов на них.

Склоняясь над рукописью до позднего вечера, перечитывал научный сотрудник знакомые страницы, ярко

рисующие разгульную жизнь духовенства... Вдруг он с удивлением заметил, что текст официальных документов внезапно прервался и что в «Стоглав» вшита рукопись какого-то художественного произведения.

Началась кропотливая работа. Вскоре краевед убедился, что перед ним старое воинское повествование, — «Повесть о приходе Стефана Батория на великий, славный город Псков».

Эта повесть, написанная в XVI веке, является не только ценнейшим документом, важным историческим свидетельством, но и отличается яркими художественными достоинствами. Перечитывая поэтические страницы этой повести, слышишь, как громко поют трубы древнерусской воинской славы; перед глазами проходят образы героических предков, в суровых боях отстаивающих родную землю. Недаром один из иностранных авторов писал о героической обороне Пскова: «Русские при защите городов не думают о жизни, хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа и заграждают пролом грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голоду, но не сдаются». В основу положены следующие исторические события. В конце августа 1581 года войска польского короля Стефана Батория, состоящие в основном из платных наемников, подошли к стенам Пскова. Для устрашения псковитян Баторий устроил парад своих войск. Несколько часов подряд перед осажденным городом проходили вооруженные до зубов венгры, французы, шотландцы, датчане и другие искатели богатой наживы. Но жители Пскова, все от мала до велика, оставив мирные занятия, дали клятву «за Псков град битися с литвою до смерти».

Первые попытки королевских войск взять штурмом Псков провалились, несмотря на численное превосходство. Псковские пушкари обрушили на врага сотни

ядер. Огонь с псковских стен был так силен, что, как говорится в повести, многие «леса преклони и многие полки прислонив».

Но Стефан Баторий решил взять город во что бы то ни стало. В повести рассказывается, как гетманы и великие паны, стоя возле «горделивого королевского места», похвалялись захватить Псков. Они говорили королю:

— Теперь, государь, милостивою ласкою обедаем в обозе у тебя, но сего же дня, государь, в замке во Пскове вечеревать у тебя желаем и поздравляем тебя с великим и прекрасным градом Псковом.

Противник вырыл траншею, поставил тяжелые осадные орудия. После артиллерийской подготовки, продолжавшейся свыше суток, вражеские отряды, сверкая на солнце оружием, двинулись в проломы крепости. Иноземцам удалось захватить полуразрушенную Свиносскую и Покровскую башни. Защитники Пскова бросали на королевские войска груды камней, поливали кипящею смолою, обрушивали вниз бревна, утыканные гвоздями. Несмотря на то, что к королевским войскам все время подходили подкрепления, им не удалось ворваться в город. В «Повести» рассказывается:

«Литовская же бесчисленная сила на градовную стену, яко вода многа, льющися. Хрестьянское же множество войска... возхода на стену не дающе. И бе, яко гром велик и шум мног и крик несказанен от множества обоего войска, и от пушечного звуку и от ручничного обоих войск стрелянья, и от воинского крика».

Приступ, на который Стефан Баторий возлагал столько надежд, не удался. Королевские войска потеряли более пяти тысяч убитыми и более десяти тысяч ранеными.

С сарказмом замечает автор повести: «Литовский же многогорделивый король Стефан, тако же виден,

яко желания своего не улучивша, со студом же многим и со срамом литовское свое воинство от града бежавших, сам же велика сраму исполнен бысть, гетманов же своих и рохмистов не можаще видети. Тако же и гетманы не могоша своему королю явиться, за настоящую к ним срамоту и за многое их к королю похваленье».

С восхищением описываются в «Повести» жители Пскова, которые «храбро-победного своего поту отерше» зорко стояли на страже города. Вместе с воинами в обороне принимали участие женщины, старики, дети. Самые маломощные люди, которые не в силах были держать оружие, варили в котлах смолу, готовили кипяток, подносили воинам камни.

Автор приводит яркие эпизоды из боевой деятельности пушкарей. При помощи огромной пушки «Барс» псковитяне наносили громадный ущерб противнику. Так, когда в Свинусскую башню засели венгры и немцы, с помощью мощных залпов «Барса» русские обрушили верх башни на противника.

В ноябре, убедившись в невозможности взять Псков штурмом, Стефан Баторий перешел к планомерной осаде, рассчитывая принудить русских к сдаче города «гладом» или «всякою нужею». Осада продолжалась несколько месяцев. Псковитяне не только не пустили королевские войска в город, но и сами предпринимали вылазки, нанося истощенному неприятелю чувствительные уроны.

В «Повести» рассказывается о коварстве врагов, озлобленных неудачами, пытавшихся убить смелого полководца И. П. Шуйского, подослав к нему денежный ларец с самопальной машиной.

Пять месяцев продолжалась оборона Пскова и закончилась бесславным уходом войск Стефана Батория. Король, говорится в «Повести», желаемого не получил, бесчисленное свое войско поморил, а Пскова не одолел.

Таковы события, легшие в основу «Повести», список которой удалось обнаружить в «Стоглаве». «Повесть» была известна и ранее. Но, исследуя найденный список, краеведы пришли к выводу, что они имеют дело с очень ранней и интересной редакцией.

Обращала на себя внимание приписка: «Списана же бысть повесть сия в том же богохранимом граде Пскове, от жителя того же града, художеством зографа, имя ему есть сие...» И далее приводилась буквенная тайнопись. Расшифровав ее, удалось прочитать имя автора повести — Василий. Правильность расшифровки подтверждалась буквами *в, с, л, и*, расположенными вертикально перед криптограммой на полях рукописи. Буквы эти написаны почерком, близким к тексту «Повести».

И есть основание автором повести считать псковского художника Василия, очевидно, участника обороны города. До нас не дошло никаких сведений об этом интересном писателе XVI века. Но анализ произведения показывает, что автором его был всесторонне развитый человек, начитанный в литературе своего времени, хорошо разбиравшийся в международной обстановке. Автор горячо любит свою родину и в целом положительно оценивает деятельность Ивана Грозного, боровшегося за укрепление русского государства и называвшего нередко себя преемником власти римского кесаря. Многие образы в повести настолько зримы и ощутимы, что невольно в авторе произведения угадывается живописец.

О истинности замечательной находке было сообщено в Академию наук СССР. По просьбе института русской литературы (Пушкинский дом) рукопись из Вязников дважды высылалась в Ленинград. В Ленинграде не только сняли точную копию с вязниковского списка, но и произвели анализ бумаги, водяных знаков. Когда встал

вопрос об издании «Повести», ленинградские ученые обратили самое серьезное внимание на вязниковский список.

В предисловии к «Повести» о приходе Стефана Батория на град Псков», выпущенной Академией наук СССР, сказано: «В основу настоящего издания положен список Вязниковского районного музея Владимирской области, № 1453, как старший и наиболее исправный». Но открытием повести не исчерпываются заслуги вязниковских краеведов. Недавно здесь закончены работы по составлению научного описания славяно-русских рукописей и старопечатных книг, хранящихся в библиотеках Вязниковского и Мстерского музеев. Это описание показывает, какой сокровищницей древнерусских рукописей, в особенности XV—XVIII веков, обладает Вязниковский музей. Рукописи эти приобретались на протяжении многих десятилетий в Вологде, Каргополе, Заонежье, на Урале, в Сибири и других местах.

Отметим среди них Кормчую книгу, писанную разными полууставными почерками XV века. В Кормчей, как удалось обнаружить, оказался редкий список пространной редакции «Русской правды». На листах рукописи имеется запись владельца: «Парфена Яковлева деревни Зарубина и городу Чюгломы...».

К XVI веку относятся рукописи — «Житие Андрея Юродивого», «Требник», «Творение Иоанна Постника», «Измарагд», «Лествица», «Номоканон» и другие. На этих рукописях встречаются пометки, говорящие о том, как высоко ценились рукописные книги в древней Руси. На листах «Номоканона», например, имеется строгий наказ неизвестного переписчика о том, что эту книгу нельзя «ни продати, ни отдати». В книге «Лествица» обнаружена запись о том, что рукопись «починена и переплетена... мастер Никифор...».

Привлекает внимание «Житие Павла Обнорского». Эта рукопись интересна тем, что была переписана в XVII веке простым вологодским крестьянином Симеоном Мялкиным.

Образцом художественного оформления древнерусских рукописей может служить синодик, написанный вязниковским «чернецом Симеоном» по прозвищу «Золотописец». Виньетки и заставки, украшающие этот синодик, отличаются большим художественным вкусом и мастерством.

Одна из самых обширных рукописей музея, состоящая из 54 глав — «Сказание о поганом и богомерзком царе Мамае и похвалах великому князю Дмитрию Ивановичу Московскому: иже победи его за Доном рекою на поле Куликовом и всю силу его победи».

В рукописном собрании имеются и переводные произведения.

В их числе — «История княжны Иеронимы дочери Дмитрия Палеолога», «История скифского короля Олкаменеса и прекрасной Даниатской королевы Меналимпы» и другие.

Отдельно выставлены многочисленные приходо-расходные книги монастырских и помещичьих владений XVII—XIX веков. Написанные живым разговорным языком, эти книги рисуют яркие бытовые подробности старого времени. Вот, например, запись «про игумена Аврамия и о всяком его монастырском раззорении», относящаяся к 1693 году: «Стоял он в Благовещенском монастыре, пил и ел все монастырское и в то время в разных числах про его игумена куплено всякой рыбы — стерлядей и лещей, щук и язей, окуней и плотицы, и карасей, икры и вязиги, и низовые длинные рыбы, грибов и груздей, и тесто в пироги... да меду куплено про его же игумена пуд... да вина двойного дано...» и т. д.

Жители города Вязников по праву называют свой музей богатейшей сокровищницей древнерусских рукописей и гордятся тем, что в их городе хранятся такие замечательные памятники письменности.

НАШ СТАРШИЙ СОВРЕМЕННОК

ЛИЦЫ Суздаля запо-рошены снегом. Заин-девелые березы, возвышаясь над полисадниками и забо-рами, блестят под лучами скупого зимнего солнца. Если смотреть на город с высоких стен старой крепости, то открывается величественная панорама. Многометровую цепочку крепостных стен словно скрепляют башни с бой-ницами; над деревянными домиками возвышаются при-чудливые церковки, созданные руками древнерусских умельцев; незабываемое впечатление производят массив-ные палаты — редчайший памятник гражданской архи-тектуры старой Руси.

Суздаль — город-музей. По возрасту этот ныне ма-ленький городок старше Москвы. Некогда Суздаль — центр княжества — играл видную роль. Зодчие и ка-менных дел мастера сделали его «вельми прекрасным». Изографы украшали суздальские храмы немеркнущими

фресками. На страницах летописей Суздаль упоминается в связи с героической борьбой русских людей против монголо-татарского владычества.

Ныне Суздаль — центр крупного сельскохозяйственного района. В город постоянно прибывают экскурсии из Владимира, Горького, Москвы, Ленинграда, посещают Суздаль туристы из стран народной демократии. Надо сказать, что редкий из экскурсантов, осмотрев город-музей, не заглянет на улицу Льва Толстого. Здесь, в небольшом скромном домике, живет Иван Абрамович Назаров — старейший рабочий-поэт. Он прожил большую жизнь, и сам стал как бы неотъемлемой «достопримечательностью» старого города.

... Заглянем в домик поэта. Старый, радушный человек охотно расскажет о своем жизненном пути, о встречах с замечательными людьми, талантах из народа.

Сын суздальского каменщика, внук крепостного крестьянина, Иван Абрамович Назаров с юных лет «перепробовал» множество профессий. Жизнь не баловала мальчика, оставшегося с семи лет без отца. Детство поэта никак не назовешь золотым. Нет, оно скорее напоминало детство чеховского Ваньки Жукова. Сначала Иван Назаров был отдан в «учение» к картузнику, затем попал в слесарную мастерскую. Мальчика посылали за водкой, махоркой, часто награждали побоями.

Обстоятельства сложились так, что Назаров попал в Спасский монастырь певчим и переписчиком книг. Здесь подросток воочию увидел лицемерие монахов, нагло обманывающих народ. В монастыре помещалась тюрьма — «всероссийский тайник», куда заключались за «особо важные политические преступления».

Мальчик не раз слушал, передаваемые шопотом рассказы, об узниках, имена которых никто не знал. Строились по этому поводу самые страшные догадки, предположения, рождались легенды.

Служить в монастыре Назарову пришлось недолго. Насмешливый юноша сочинил пародию на молитву, в которой ясно прозвучали антирелигиозные мотивы. После этого ему нельзя было оставаться не только в монастыре, но и в Суздале.

— И пошел я мыкаться по городам,— рассказывает Иван Абрамович.— Был переплетчиком, разносчиком книг, кровельщиком, дворником, землекопом, приказчиком в бакалейной лавке, писал вывески и декорации.

Будущий поэт рано полюбил книги и начал сочинять свои первые стихи. Особенно увлекался юноша стихами Пушкина, Некрасова, Кольцова, Никитина, Сурикова, народными песнями и сказаниями.

Родную семью Иван Назаров обрел в среде тейковских и ивановских текстильщиков. Известную тейковскую забастовку 1895 года, участником которой ему довелось быть, Иван Абрамович описал впоследствии в своей поэме «Ткачи». В 1898 году один из столичных журналов опубликовал стихотворение Назарова. Так началась литературная деятельность поэта-рабочего.

Вскоре Иван Назаров с котомкой за плечами отправился пешком в Москву для того, чтобы посоветоваться с опытными литераторами о своих стихах. В газете «Русский листок» вместе с его стихами была напечатана заметка, в которой говорилось:

«Не переводятся самородки на Руси. Вчера в редакцию «Русского листка» явился с тетрадкой стихотворений молодой парень, лет двадцати трех, Иван Абрамович Назаров, мещанин города Суздаля, служащий простым рабочим на ткацко-прядильной фабрике Каретникова в с. Тейкове Владимирской губернии. Оказалось, что 200 верст от своего местожительства он прошел пешком по способу, указанному первым русским самородком гениальным Ломоносовым. Котомка за плечами и тетрадка стихотворений — вот все имущество Наза-

рова. Немного в котомке, но зато есть кое-что в тетрадке. Стихотворения Назарова, не везде безукоризненные по формуле, не всегда свободны от чужого влияния, но, несомненно, дышат искренним чувством и теплотой... В Москву Назаров пришел на один-два дня — единственно, чтобы посоветоваться насчет своих стихотворений».

Наблюдая тяжелую жизнь ткачей, Назаров создавал гневные стихотворения и песни, с нетерпением ожидал часа желанной свободы, всеми силами содействовал его приближению. В канун первой русской революции Назаров писал:

Стучи, греми машина,
Летай, летай челнок.
Давно отец от сына
Ждет денег на оброк.
Но где возьмешь, откуда?
Одних «штрафов» не счесть,
А табельщик — иуда,
Грозит совсем расчесть.
От гнева сердце бьется,
Туманятся глаза..
Когда, когда начнется
Рабочая гроза?

Творчество Назарова было близко рабочим, и они во время революционных выступлений охотно распевали и декламировали простые, понятные стихотворения и песни своего ткача-поэта.

На костромских, владимирских и ярославских текстильных фабриках пользовалась популярностью песня на слова Назарова.

—Ах, нагаечка, нагаечка,
Памятна ты нам,
Как ты гуляла с присвистом
По нашим по спинам.
Измучены, задавлены
Мы были злой нуждой

И с фабрикантом—Каином
Вступили в смертный бой.
Вступили, не страшились
Казацкой злой орды,
За право наше бились,
Чтоб выйти из нужды.
Ах, нагаечка, нагаечка,
Памятна ты нам,
Как ты гуляла с присвистом
По нашим по спинам.

Иван Абрамович начал сотрудничать во «Владимирской газете». В корреспонденциях он разоблачал фабрикантов и их приспешников, писал о жизни текстильщиков. Но недолго продолжалась деятельность рабочего корреспондента. Местные власти закрыли газету, а озверелые черносотенцы стреляли в Назарова из-за угла.

После этого Назаров решил издавать вместе с другими поэтами и прозаиками из рабочих и крестьян свой журнал. Цель издания — популяризировать произведения писателей из народа, помочь бывалым людям освоить литературное мастерство, дать им возможность выразить свои мысли и чувства. Трудности встали огромные.

В глухом Суздале Назаров организует кружок писателей из рабочих и крестьян — первый кружок такого рода в провинции, некоторое подобие суриковского литературно-музыкального общества. На сколоченные с большим трудом бедняцкие гроши Назаров выпускает литературно-художественные сборники «Пробуждение». Надо сказать, что в некоторых из этих сборников были напечатаны произведения, вошедшие впоследствии в золотой фонд русской литературы. Деятельность И. А. Назарова и его кружка была частью большого общественного процесса — нарождения и роста новой интеллигенции. Некоторые исследователи даже проводят

аналогию между деятельностью передовых разночинцев 60-х годов прошлого века и деятельностью членов кружка Назарова.

Кружок привлек к себе отнюдь не благосклонное внимание начальства. Начальник Владимирского губернского жандармского управления в секретном распоряжении владимирскому полицмейстеру писал, что «ввиду имеющихся в управлении сведений, указывающих на сомнительную благонадежность и политическое отношение Назарова... учредить за деятельностью и образом его жизни негласное наблюдение, о результатах которого уведомить начальника Управления».

Несмотря на то, что в альманахе И. А. Назарова уже начали принимать участие писатели из простого народа, живущие и в Сибири, и на Кубани, и в Воронеже — словом, по всей России, вести литературную, издательскую деятельность в условиях постоянного преследования ему становилось все более затруднительно. Издание сборников пришлось прекратить, но Назарову удалось наладить связь с множеством талантливых людей, живущих в разных уголках страны.

В чем был смысл творческой деятельности таких писателей-рабочих, как Назаров? В ту пору активно участвовал в литературной жизни провинции иваново-вознесенский поэт — рабочий-текстильщик Дмитрий Благов, в Донбассе получили широкое хождение рукописи со стихами Павла Беспощадного, писал свои задушевные песни тверской крестьянин Спиридон Дрожжин. К литературному творчеству тянулись люди с фабричных окраин. Суров и тернист был путь этих людей. Освоив грамоту, они стремились передать товарищам свои мысли и чувства, благородные идеалы, ненависть к свинцовым мерзостям тогдашней жизни. Поэтому и называл Назаров свою скромную музу подругой-ткачихой, выразив отношение к поэзии в стихотворении «Моя муза».

Моя муза ткачихой была,
Она песням меня научила,
Вместе ткала, в каморке жила,
И досуги со мною делила.
Мне шептала не раз в тишине,
К свету, к правде меня призывая:
Пой, певец, чтоб по всей стороне
Песнь звучала твоя боевая.
Пусть она угнетенных зовет
Цепи рабства разбить вековые...

Радостно приветствовал рабочий-поэт Великий Октябрь, зарю новой жизни. Он был первым сотрудником и редактором газеты в Суздале.

«Много песен было спето
В молодости мной,
Но про родину Советов
Я запел, старик седой...»

Назаров выпустил несколько книг своих стихотворений. Свыше тридцати пяти лет жизни Иван Абрамович посвятил созданию громадного био-библиографического словаря. В этом словаре собрано более тысячи имен писателей из народа, начиная с XVIII века до наших дней. Кропотливый исследователь использовал в своем труде сотни различных источников, многие из которых сейчас почти невозможно достать. Очень пригодилась Назарову в работе над словарем переписка с талантливыми самородками, которую поэт вел в годы издания своих альманахов.

Кто из вас не знает трогательной, задушевной песни, с такой простотой и глубокой искренностью исполнявшейся Антониной Васильевной Неждановой:

— Потеряла я колечко,
Потеряла я любовь...

Но немногим известно, что автором этих слов, а также «Меж крутых бережков», «Чудный месяц плывет

над рекою» и многих других является Матвей Ожегов, талантливый самородок, много сделавший для популяризации русского песенного творчества.

По происхождению Ожегов был крестьянином деревни Михино Вятской губернии. Работал он на сибирских приисках, на уральских заводах, бурлачил на Чусовой, служил на железных дорогах. Одно время он был скромным кассиром на маленькой станции Ундол близ Владимира. Ивана Абрамовича связывала с Ожеговым многолетняя дружба и переписка.

В печати стихи Ожегова появились в конце прошлого века, когда его песни уже распевались хорами в трактирах и чайных.

А многие ли помнят историю создания популярной песни «Не брани меня, родная»? Об этом и многом другом узнаешь, раскрыв словарь, созданный Назаровым. Рабочий поэт пишет о талантливых людях из народа, которые творили в тяжелых условиях и, несмотря на все трудности, создавали духовные ценности.

Первый вариант своего словаря Иван Абрамович направил в Италию, в Сорренто, Максиму Горькому. С трепетом ждал Назаров ответа от великого писателя. Вот что написал Назарову Горький:

«Мне кажется, уважаемый Иван Абрамович, что список Ваш недостаточно полон. Не вижу в нем Новикова-Прибоя, Марии Ершовой, Алены Новиковой и целого ряда других имен. Старостин-Маненков умер не в 79 г., а в 96-м, в Симбирске.

Фофанова едва ли можно назвать самородком и самоучкой, да и вообще «самородок» — понятие неясное. То же относится к Павлу Радимову, который не только поэт, но и очень талантливый живописец. Следует указать, что Максим Леонов оставил сына Леонида, очень талантливого писателя, как Вы знаете.

Не указан Яков Брюсов, отец Валерия, не указан приказчик Смирдина, кажется — Буров, автор книжки стихов и очень хороших рассказов.

Словарь Ваш я считаю книгой полезной, но она нуждается в хорошем предисловии, которое должен написать кто-нибудь досконально знакомый с делом. Попробуйте обратиться к П. С. Когану.

Желаю успеха.

А. Пешков*

А вот что писал в словаре Демьян Бедный: Словарь Назарова — очень ценный словарь: необходимо его издать. Чем скорее — тем лучше».

Выдающийся русский библиограф И. Ф. Масанов в своем письме к Назарову говорил: «Как был бы я рад, если бы Вам действительно удалось издать Ваш ценный словарь, плод многолетнего кропотливого труда, появление которого порадовало бы всех тех, кто любит русскую литературу и ценит русскую библиографию».

Назаров подверг рукопись значительной доработке, тщательно учел советы М. Горького и многих других.

Когда в послевоенный период в одном из журналов появилась заметка о Назарове и его словаре, то в Суздаль посыпались письма со всех уголков страны. Писали рабочие и колхозники, воины и студенты, писатели и ученые. Особенно трогательное письмо прислали воины Советской Армии, несшие в то время службу в Берлине. С горечью приходится отмечать, что словарь до сих пор не издан. Машинописные копии словаря приобретены лишь некоторыми научными организациями столицы.

Ценность труда Назарова заключается в том, что он помогает правильно понять историю русской литерату-

* М. Горький. Собрание сочинений в тридцати томах. Том 30, стр. 154—155, Москва, 1955 год.

ры, даёт возможность уяснить мысль о том, что величины русской литературы не выростали вдруг и не являются какими-то «холмами на гладкой равнине словесности». Невольно вспоминаешь мудрые горьковские слова о том, что великие писатели «обобщали уже данное им предшественниками, причем это обобщение могло быть и бессознательным, то есть могло почерпаться не из книг, а из быта, уже растворившего в себе собранный в книге опыт».

Воспоминания «Встречи и письма» — новая работа Назарова. В ней автор выступает не как бесстрастный наблюдатель; нет, холодное равнодушие чуждо рассказчику, когда он говорит о былом. Мемуарист предстает перед читателями в качестве ваятеля, старающегося всеми силами души сохранить, сберечь духовные богатства, созданные талантливыми людьми из народа. Эти воспоминания принадлежат к числу тех произведений, которые учат исторически мыслить, их с интересом прочтут и исследователи литературы, и «юноша обдумывающий житье», и писатель, и студент.

В книге читатели не найдут развернутых характеристик писателей, журналистов, общественных деятелей. Но Назаров, сообщая о встречах и письмах, умеет скупыми штрихами воссоздать облик человека, вывести из незаслуженного полузабвения образы замечательных русских людей. Автор порой бегло говорит о значимых событиях, в мемуарах немало эскизности: вспоминая о прошлом, Назаров написал о том, что сохранилось у него в памяти, написал, не мудрствуя лукаво. И все это наложило на воспоминания поэта-рабочего прочный отпечаток жизненной достоверности.

Выдающийся советский писатель Константин Федин писал Назарову: «Удивляюсь Вам, человеку такой незыблемой верности делу, которое было избрано однажды в жизни и привлекло навечно». Эти слова отлич-

но характеризуют многолетнюю деятельность, литературно-общественный подвиг поэта-рабочего.

Те, кто посещает в настоящее время Ивана Абрамовича Назарова, обычно интересуются, над чем работает сейчас восьмидесятилетний поэт.

— Я заканчиваю подготовку к печати своей ранней поэмы «Ткачи», — рассказывает Иван Абрамович, — поэма была мною написана давно. Она посвящена описанию событий забастовки тейковских ткачей в 1895 году. Во время этой забастовки рабочие, замученные бесчеловечной эксплуатацией, убили директора. Автор сам был в числе забастовщиков, и чувства, волновавшие меня в то время, изложил в поэме. Конечно, по цензурным условиям в царское время нельзя было даже и думать о легальном издании поэмы. Позже поэма была затеряна, а меня увлекли другие дела. Сейчас я обнаружил среди бумаг поэму о ткачах и думаю, что она будет интересна для молодежи. Юное поколение должно знать прошлое дедов и отцов.

Уже в наши дни, в одной из своих последних книг, Иван Абрамович пишет: «Мне много лет. В течение жизни мне постоянно приходилось встречаться с писателями из народа, с самородками, как их тогда называли. Как не похожа их судьба на судьбу современных писателей, окруженных заботой и вниманием! Душителю народной свободы, палачи и мракобесы — оплот самодержавного строя — не давали развиваться народному творчеству. Писатели из народа жили в нищете, умирали в неизвестности. А среди них были яркие таланты. Я с болью вспоминаю об этих людях — совершенно иной могла бы быть их жизнь в наше время».

Назаров приводит в порядок богатейший архив. Писатель передал институту мировой литературы имени М. Горького сотни писем русских писателей. В настоящее время у Назарова хранится свыше 2500 писем от

литераторов. В архиве писателя бережно сохраняются еще не опубликованные, представляющие громадный интерес письма Максима Горького и других замечательных писателей.

В библиотеке поэта много книг с автографами, на стенах — портреты любимых поэтов и прозаиков. Мы видим портреты Пушкина, Кольцова, Толстого, Горького... Они любовно написаны самим поэтом и, глядя на пушкинский портрет, невольно вспоминаешь назаровские стихи, написанные еще в конце прошлого века:

С каким восторгом, восхищеньем
Гляжу на строгий облик твой,
И сердце в трепетном биенье
Объято гордою мечтой.
И несказанно сердце радо,
И чувства хочется излить:
Вот у кого учиться надо
Свободу славить и любить!

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Таинственный узник	3
Особняк в Собинке	11
История одной книги	23
В далекой Сибири	31
Утерянные тетради	37
Осень в Абрамцево	45
Владимирский Плутарх	51
Учитель	57
Ветка Лауры	67
Путешествия критики	76
Немеркнувшие фрески	85
Вслед Радищеву	94
Мир книг и рукописей	105
Глиняная книга	114
Шкатулка Арины Родионовны	117
Над древними рукописями	127
Наш старший современник	136

Евгений Иванович Осетров
ВЕТКА ЛАУРЫ

Редактор *К. Л. Афанасьева*. Художники *А. А. Бичуков, З. С. Успенская*.
Художественный редактор *В. П. Поспелов*. Технический редактор *Л. П. Леонова*
Корректор *А. С. Преображенская*.

Владимирское книжное издательство, г. Владимир, ул. III Интернационала, 58

Сдано в набор 17/VI-59 г.	Подписано в печать 26/XI-59 г.
Бумага 70x108 1/32-2,1 б. л., 6,3 п. л., 6 уч.-изд. л.	
Ж 03237	Тираж 15000 экз. Цена 2 р. 80 коп. Заказ № 4317

Типография Облполиграфиздата, г. Владимир, ул. III Интернационала, 43

2 р. 80 к.

С 1. 1, 1961 года
цена _____ г. ²⁷ ²⁸ к.

